

ПОЪЗДКА

ВЪ

ОСТЗЕЙСКІЯ ГУБЕРНІИ.

2st. A-3668

Os. IIIa

ПОЪЗДКА

ВЪ

~~640~~

ОСТЗЕЙСКІЯ ГУБЕРНІИ

См. Cos. В. Деккера.

640.

15^c
640

Os. IIIa.

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
~~26750~~

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ГОТЬЕ.

1852.

ПОЗВОЛЕНИЕ

ОСТАВЛЯЕТ УВАЖИТЬ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. Москва, 1852 года, Апрѣля 17 дня.

Ценсоръ *Ки. Львовъ.*

144462005

Est-A

ЛВОВЪ

ПОЪЗДКА ВЪ ОСТЗЕЙСКІЯ ГУБЕРНІИ.

Давно мнѣ хотѣлось посѣтить Русскую Германію, но это не легко было исполнить жителю береговъ Ангарскихъ. Пробылъ я въ Сибири долго, очень долго, потомъ находился въ разныхъ мѣстахъ Россіи — и избороzdилъ твердою землею никакъ не менѣе ста тысячъ верстъ, т. е. вдвое болѣе противъ окружности земнаго шара; но прогулки водою совершались не часто, исключая путешествія по Байкалу, по Ленѣ до Якутска отъ пристани, по Волгѣ изъ Рыбинска до Казани, изъ Петербурга въ Кронштатъ и Петергофъ — по Финскому заливу.

Вотъ я прощаюсь съ Петербургомъ и отправляюсь сначала въ Ревель на пароходъ «Константинъ». Былъ Іюнь мѣсяцъ въ окончаніи. Погода чудная: кто изъ столичныхъ жителей не помнитъ **Африканскихъ жеровъ 1846** года? Часа на два останавливаемся мы въ Кронштатъ и насмотрѣв-

шись на этотъ лѣсъ мачтъ и разноцвѣтныхъ флаговъ, пускаемся далѣе. По минованіи острова «Гохланда» (1), на половинномъ пути къ Ревелю, обрисовались въ туманной дали берега Финляндіи. На разсвѣтъ другаго дня, зазеленѣли острова «Вульфъ» и «Наргенъ», не въ дальнемъ разстояніи отъ Ревеля, и хижины ихъ обитателей виднѣлись изъ-за сосновой рощи. Вскорѣ чернѣющая, пирамидальная вершина «Олая», тамошней церкви, приковала наше вниманіе, а въ слѣдъ за тѣмъ открылся и городъ въ дивной, изумительной панорамѣ.

По прибытіи въ Ревель, сталъ я его осматривать, съ ближайшими окрестностями. Все это, вѣроятно, много разъ было описано, но у каждаго путешественника свой взглядъ и потому не мѣшаетъ сказать объ Эстоніи нѣсколько словъ, чтобы воскресить въ памяти моей настоящую прогулку. Городъ стоитъ на горѣ и высокія башни церквей его, возносясь надъ древними зданіями, кажутся низкими предъ исполинскимъ верхомъ Олая. Кругомъ города, обведеннаго каменною

---

(1) Онъ будетъ въ длину верстъ десять, а въ ширину до двухъ. Мѣстоположеніе острова гористое. Тамъ двѣ деревушки, населенныя Эстами ~~.....~~ снискавающими себѣ пропитаніе отъ рыбной ловли.

стѣною, красуются полукружіемъ сады и мнѣ сказывали, что Ревель, по своей мѣстности, имѣеть нѣкоторое сходство съ столичнымъ городомъ классической страны, лежащей близъ Везувія. Значительное возвышеніе материка, на которомъ лежитъ собственно Ревель, называется «Вышгородомъ». Большія морскія ворота, сдѣланныя изъ кирпича, не уступающаго по своей крѣпости дикому камню, не совсѣмъ отвѣчаютъ этому наименованію, потому что онѣ довольно узки и совсѣмъ не высоки. Всего считается семь городскихъ воротъ; однѣ изъ нихъ замѣчательны по своей длинной аркѣ, чрезъ которую надобно проходить въ полутемнотѣ. Башни на стѣнахъ крѣпости носятъ пре-странныя названія, на прим. die dicke Margarithе, башня толстой Маргариты, самая высокая. Узкія, продолговатыя окна, въ родѣ щелей, сдѣланныя въ стѣнѣ, свидѣтельствуютъ о древности постройки. Пройдя арку этихъ воротъ, вы достигаете «Морской улицы», (а ее надо бы назвать длиною улицею отъ Нѣмецкаго: die Langstrase), потомъ означеннаго выше возвышенія, откуда представляется зрѣлище, въ своемъ родѣ единственное: предъ вами остроконечныя крыши изъ красной черепицы; на верху домовъ флюгеры; самые входы изъ стрѣльчатыхъ сводовъ; стѣны въ арабескахъ и другихъ изваяніяхъ; а на вершинахъ стѣны городской, устроены такіе же флюгеры и постав-

лены разныя статуи. Въ прежнія времена, окна домовъ, выходившія на улицу, были закрыты наглухо, потому, что ганзеатическіе купцы, ведя обширную торговлю, любили жить уединенно въ комнатахъ, обращенныхъ на дворъ или въ садъ. На нѣкоторыхъ площадяхъ и улицахъ находятся общественные колодези, выдающіеся огромными ларями, но теперь, для благовидности города, стараются постепенно уничтожать ихъ. Большая часть нынѣшней стѣны построена при Карлѣ XI, Король Шведскомъ, а прежнія башни относятся къ вѣку XIV, вѣку рыцарства. Домовъ въ крѣпости сотъ семь—всѣ каменные; улицы не широки и ни одной прямой; мостовыя и тротуары не хороши, не смотря на обиліе плътняку и булыжнику въ окрестностяхъ города. Есть такъ называемая широкая улица, гдѣ лучшіе магазины и лавки, однакожь и ее не лзя назвать длинною и прямолинейною. Вы увидите такіе узенькіе, кривые переулки, мрачные отъ высоты домовъ, что съ трудомъ можно развѣхаться экипажамъ— и замѣтьте, это въ центрѣ города. Многіе дома, памятники Богослуженія, поразятъ васъ съ перваго взгляду своею архитектурою, относящеюся къ среднимъ вѣкамъ, но Церковь Св. Олая съ ея готическою башнею, болѣе всего привлекаетъ взоры путешественника. Вообще зданія древнѣйшей постройки носятъ на себѣ характеръ страны,

которой принадлежала Эстонія. Къ Вышгороду идутъ два переулка—одинъ для экипажей, другой для пѣшеходовъ. Надо подниматься на значительную высоту и вы вступаете въ прелестный садъ изъ розъ и густыхъ акацій, цвѣтущихъ надъ крышами домовъ. Съ этого пункта хорошо смотрѣть на городъ съ его стѣнами, башнями и домами съ коническими крышами; надъ ними возносятся такія же башни и колокольни церквей—вѣковъ среднихъ и позднѣйшихъ. Въ такомъ точно видѣ находился Ревель и въ эпоху своей знаменитости, но теперь торговля его, какъ и другихъ прибалтійскихъ городовъ, исключая Риги, замѣтно упала съ той поры, какъ усилилась промышленность Петрополя. Остатки укрѣпленнаго замка Вольдемара II, Короля Датскаго, царствовавшаго въ XIII столѣтіи, около высокой башни тамъ и сямъ на каменной горѣ разбѣянные въ разныхъ обломкахъ, тоже виднѣются. Преданіе повѣствуетъ, что этотъ Король, восхищенный прелестью мѣстоположенія, хотѣлъ украсить городъ зданіями и храмами, чтобы онъ пользовался извѣстностію. Влѣво отъ него зеленѣютъ луга, прорѣзанные тропинками, и надъ крутизною горы громоздятся зданія, готовые, казалось, ежеминутно обрушиться, но рука всеокрушающаго времени доселѣ не коснулась этой священной древности; форштаты тонуть въ садахъ и дале-

кія окрестности замыкають дивный ландшафтъ. Въ форштатахъ болѣе тысячи домовъ, но мало встрѣтишь каменныхъ, за то всѣ такіе чистенькіе съ большими и широкими окнами; улицы прямыя, длинныя, особенно Нарвская; тротуары и мостовая лучше, чѣмъ въ городѣ. Всѣхъ жителей болѣе двадцати тысячъ, въ числѣ которыхъ считается довольно русскихъ. *50000 русскихъ*

Вступая въ Ревель, переносишья воображеніемъ своимъ въ цвѣтущую Германію. Надписи на домахъ на Нѣмецкомъ, всѣ говорятъ на этомъ языкѣ, исключая простолюдиновъ, усвоившихъ нарѣчіе Эстонское. Роднаго Русскаго языка вы рѣдко услышите, даже между нашимъ кунечествомъ. (А сколько вы встрѣтите хорошенькихъ Нѣмочекъ! Извѣстную пословицу: «Sachsen, wo die schoene Maedhen wahren (Саксонія отечество прекраеныхъ женщинъ), можно примѣнить въ этомъ отношеніи къ Ревелю, этому уголку Германіи. Дамы одѣваются просто, но со вкусомъ; онѣ такія свѣженькія, полныя жизни; а какая у нихъ талія!

Основаніе Ревеля приписывается Кануту VI, Королю Даніи, который въ 1196 году, желая озарить свѣтомъ Христіанскаго ученія племена язычниковъ въ нынѣшней Эстоніи, думалъ по времени подчинить ихъ своему владычеству. Преемникъ Канута, Вольдемаръ II, построилъ здѣсь

укрѣпленный замокъ на значительномъ городскомъ возвышеніи,—какъ выше упомянуто. На третій годъ послѣ кровавыхъ событій въ Итали, подъ именемъ «Сицилійской вечерни», породившихъ революцію, именно въ 1284 г., страна стала принадлежать Ганзеатическому Союзу, который купилъ ее за 19 тысячъ марокъ серебра у Вольдемара III, нуждавшагося въ финансахъ, по случаю междоусобной войны, потрясавшей Эстонию въ теченіи цѣлаго столѣтія. Въ 1459 г. она поступила во владѣніе Ливонскаго ордена; въ 1558 завоевана Эрикомъ IV, Королемъ Шведскимъ; наконецъ въ 1710 навсегда присоединена къ Россіи, когда предѣлы нашей Имперіи не были столько раздвинуты. Такимъ образомъ война Эстоніи съ Литвою и Польшею въ продолженіи разныхъ періодовъ—и другія обстоятельства, были причиною, что первая не могла удержать за собою своей самобытности.

Спустя пол-вѣка послѣ великой, религіозной мысли Канута VI—водрузить крестъ Господень на высотахъ Бальтики, сооруженъ въ Ревелѣ монастырь «Ордена Меченосцевъ», а съ тѣмъ вмѣстѣ приступлено къ возведенію другаго зданія: «Братства Черноголовыхъ» (Schwarzen Moenhens-Kloster). Окрестности сихъ мѣстъ и до тепершняго времени носятъ названіе «Монастыр-

скихъ » ². По распространеніи же въ Эстоніи Христіанской вѣры, назначень туда Католическій Епископъ; а въ 1551, вскорѣ по реформаци, учреждена въ Ревелѣ Епископская Лютеранская кафедра. Эстонія наслаждалась спокойствіемъ, находясь подъ владычествомъ Швеціи, но чрезъ два столѣтія послѣдняя налагаетъ на первую страшные налоги; это производитъ народный ропоть, послужившій отчасти поводомъ къ событію, когда прибалтійскія страны отошли по капитуляціи къ Россіи. По завоеваніи же края, посѣщаетъ Ревель двукратно Императоръ Петръ I (въ 1710 и 1714): въ эту пору была построена гавань и заложенъ дворецъ въ роскошномъ предмѣстіи города Екатериненталѣ, названномъ въ честь супруги Великаго, а въ непродолжительномъ послѣ того времени является на Европейскихъ моряхъ первый Русскій флотъ, въ Ревелѣ построенный. И другія Державныя Владыки Россіи счастливили этотъ городъ своимъ высокимъ посѣщеніемъ: въ 1746 году пріѣзжаетъ туда Елисавета Петровна—при чемъ былъ ратификованъ трактатъ съ Марією-Терезією; въ 1764-мъ наша Екатерина II; въ 1798, Императоръ Павелъ, во время путешествія въ Ригу; Александръ Благословенный былъ два

---

(2) Теперь находится на этомъ мѣстѣ здаше гимназіи.

раза въ Ревелѣ—въ первый и послѣдній годъ Его царствованія. Въ послѣднее же время неоднократно посѣщаль этотъ городъ нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ и Его Августѣйшее семейство.

Къ числу достопамятныхъ вещей также должно отнести слѣдующія эпохи: уничтоженіе Русскимъ побѣдоноснымъ оружіемъ Шведской флотилии въ 1791-мъ и заключеніе мира Россіи съ Англіею въ 1801 году.

—

Съ постепеннымъ устройствомъ Ревеля при Вольдемарѣ II, приступлено въ 1310 г. къ возведенію крѣпости, а въ 1329 церкви Св. Олая. Чрезъ семь послѣ того лѣтъ, открыта первая публичная школа, теперешняя Ritter und Dom-Schule; три вѣка спустя, образована Гимназія, при которой открыто книгопечатаніе, а въ 1805 году получаетъ это учебное заведеніе новую, въ числѣ прочихъ, организацію. Но этотъ городъ испыталъ разныя несчастія въ теченіи минувшихъ шести вѣковъ, то отъ пожаровъ, заразы, голода, то отъ народнаго мятежа. Главнѣйшіе пожары были пять разъ, зараза и голодъ шесть разъ, возстаніе въ 1343 году. При этомъ случаѣ палъ знаменитый «Бургардъ Фонъ Дрейлевенъ»—какъ говоритъ преданіе.

—

При описании древности Ревеля, начну со знаменитой церкви Св. Олая.

Много видѣлъ я высокихъ церквей въ разныхъ мѣстахъ необъятной нашей Имперіи и конечно, никогда не воображалъ себѣ, что найду въ Ревелѣ башню надъ церковію, предъ которою ничего не значать ни Иванъ Великій въ Москвѣ, ни колокольни Троицкой Лавры, въ Кіевѣ, Рязани, Харьковѣ. Даже дивные памятники Богослуженія Св. Петра въ Римѣ, Вѣнѣ, Стразбургѣ, уступаютъ Ревельской башнѣ собственно по высотѣ своей. Короче и яснѣе: она первая на земномъ шарѣ—и такъ гордо, такъ величаво господствуетъ надъ окружающими ее церквами, что зданія ихъ кажутся ничтожными предъ исполинскимъ ея верхомъ. Храмъ заключается въ одномъ зданіи, надъ которымъ возносится башня—и принадлежитъ къ стилю готическому; построение же относится къ XIV столѣтію. Длина церкви 222 фута, ширина 114 футовъ; отъ уровня земли до окончанія креста 435 футовъ ⁵, т. е. 62 сажени съ аршиномъ, отдѣльно же отъ полу до свода церковнаго 126 футовъ; самая башня 257 ф., крестъ 21 ф., шаръ надъ крестомъ 5 футовъ. Внутренность храма отдѣлана просто, но эта са-

---

(3) Высота церкви Св. Стефана 424 фута, а первой Египетской пирамиды 449 футовъ.

мая простота придастъ ему особенное величіе, а фасадъ зданія переноситъ васъ въ средніе вѣка: это живая исторія. Восточная капелла церкви составляетъ древнѣйшее зданіе съ мрачными сводами. Готическія окна болѣе двухъ сажень въ длину, въ ширину аршина два; въ каждомъ окнѣ по девяти стеколъ въ длину и по три въ ширину, а окно, идущее надъ башнею, имѣетъ высоты около шести сажень (25 стеколъ въ длину, 5 въ ширину). Окно толь огромнаго размѣра, въ отношеніи длины ихъ, не встрѣтишь и въ столичныхъ дворцахъ и въ самомъ Исакіевскомъ Соборѣ, потому, что длина одного окна, превышаетъ нѣкоторыя трехъ-этажныя зданія. Вообще видъ Олая представляетъ стройность и величіе въ цѣломъ.

Частые пожары измѣняли древній фасадъ церкви, но послѣ бывшаго въ 1820 году, она исправлена, съ сохраненіемъ прежняго вида. Слѣды этого бѣдствія видны и теперь: они выражаются на развалинахъ близъ стоящихъ домовъ, на которые рухнула огромная башня. Впрочемъ объ этомъ рѣчь впереди.

Особенное обращаетъ на себя вниманіе органъ, работы Маріенбургскаго художника «Вальтера» и вѣроятно, знаменитѣйшій въ цѣлой Россіи по величинѣ своей. Органъ сей, имѣющій 66 тоновъ, стоилъ 20 тысячъ руб. сер. На немъ представ-

лены Ангелы, играющіе на трубахъ и литаврахъ и во время священныхъ пѣсней движущіеся по механизму органа. Можно вообразить себѣ, какіе онъ издаетъ звуки во время Богослуженія въ храмъ, который, не смотря на свою огромность, почти всегда полонъ народомъ.

При послѣднемъ пожарѣ въ 1820 году, Олайская церковь загорѣлась отъ молніи, а при этомъ случаѣ обрушилась и колоссальная ея башня. Въ такомъ видѣ простоялъ храмъ болѣе десяти лѣтъ, представляя печальные слѣды разрушенія. Надо было возобновить древній памятникъ, пережившій многія эпохи и Правительство употребило на то 300 тысячъ руб. сер. Церковь съ осмигранною башнею ⁴ покрыта мѣдными листами и можно подумать, сколько употреблено этого металла? На каждой сторонѣ башни по три слуховыхъ окна, въ родѣ люковъ: индѣ по четыре, аршинъ въ квадратъ, а всѣхъ оконъ двадцать девять. Они закрываются изнутри мѣдными ставнями и снизу кажутся едва замѣтными. Лѣстница, ведущая на башню, винтообразная, изсѣченная изъ дикаго камня; ходъ хорошъ и ступени крупны. Ихъ сосчитано 259. Оттуда начинается терраса

---

(4) Ширина башни въ ея основаніи будетъ сажень шесть или семь.

съ перилами вокругъ башни, а по сторонамъ ея четыре меньшія, такого же очертанія. Виды съ этой террасы превосходны — и городъ, какъ на ладони. Далѣе идутъ пять крутыхъ деревянныхъ съ перилами лѣстницъ, въ каждой по 16-ти ступеней. Проводникъ мой открылъ первое окно и я любовался мѣстностію. ~~К~~ромѣ этихъ пяти лѣстницъ, находятся еще восемь подобныхъ до послѣдняго окна или люка, но безъ периль, а потому всходить по нимъ и неудобно и опасно; за всѣмъ тѣмъ, не смотря на круженіе головы и довольно вѣтряной день, я рѣшился пройти четыре лѣстницы и посмотрѣлъ внизъ чрезъ отворенное окно: дома казались просто карточными; о людяхъ и говорить нечего. Вотъ, что значить сила любопытства! По возвращеніи на террасу сталъ я отдыхать послѣ такой усталости и любоваться видами, такъ разнообразными и великолѣпными. Эти минуты наслажденія встрѣчаешь не часто. На башнѣ два колокола, въ 170 и 98 пудовъ. Отдохнувъ въ доброй часъ, я спустился съ улиткообразной лѣстницы и такимъ образомъ прошелъ чрезъ 467 ступеней. Утомленіе послѣ такой убійственной ходьбы, было столь велико, что весь слѣдующій день я сидѣлъ дома.

Въ особенномъ притворѣ храма покоятся нѣкоторыя лица, умершія въ разныя эпохи, а снаружи подъ однимъ изъ готическихкихъ оконъ, раз-

дѣленныхъ на безчисленное множество квадратовъ, каменное изваяніе, относящееся къ первымъ годамъ XVI вѣка. Оно состоитъ изъ четвероугольника, въ родѣ часовни, съ двумя углубленіями, окруженными восьмью барельефами, изображающими разныя событія изъ Священнаго Писанія. Верхнее углубленіе было, вѣроятно, занято какою нибудь статуею, а въ нижнемъ изваяніе скелета. На самой стѣнѣ какая-то надпись, едва сохранившаяся, съ означеніемъ 1513 года. Думаютъ, что все это представляетъ Св. Олая⁵, распространившаго здѣсь христіанскую вѣру.

Церковь Св. «Николая» находится тоже въ Вышгородѣ, близъ Морской улицы. Колокольня изъ высокаго четвероугольника, сажень въ тридцать и на немъ отпечатаны слѣды времени, которое до того измѣнило прежній его цвѣтъ, что зданіе кажется деревяннымъ. Надъ четвероугольникомъ возвышается башня съ флюгеромъ. Къ главной церкви принадлежитъ нѣсколько капеллъ съ такими же окнами, какъ и въ Олайской. Никольская церковь воздвигнута въ началѣ XIV вѣка и до XVI принадлежала Католикамъ. Полъ изъ надгробныхъ плитъ чугунныхъ и каменныхъ, на

---

(5) Олавъ или Олай, сынъ Маргариты, наследовалъ въ XI столѣтіи престолъ Даніи и Норвегіи. Династія эта въ послѣдствіи пресѣклась.

которыхъ можно читать эпитафїи, за три съ половиною вѣка на плитахъ изсѣченныя; стѣны украшены древнѣйшими картинами и между прочими — работы «Гольдбейна, танецъ смерти». На право отъ алтаря разныя священныя изображенія, съ надписями XV вѣка. Надобно удивляться прочности деревянныхъ скамеекъ съ рѣзьбою и выпуклыми украшеніями, современныхъ построенію храма. Не подалеку отъ органа ведетъ небольшая дверь въ особую комнату, гдѣ лежитъ усохшій трупъ Герцога Декроа, умершаго въ 1702 году. Тѣло его, по настоянію кредиторовъ и въ слѣдствіе существовавшаго въ то время закона, воспрещавшаго хоронить должниковъ, не смотря на знатность рода, — лишено погребенія. Наслѣдники Герцога однако же не платили за него долговъ и онъ пролежалъ въ гробѣ 118 лѣтъ, до той поры, пока бывшій Генераль-Губернаторъ Остзейскихъ губерній, Маркизь Паулучи, не приказалъ (въ 1820 г.) вынуть его отсюда и положить у стѣны, на особомъ катафалкѣ. Тѣло Декроа, не будучи бальзамировано, не подпало разрушительному дѣйствію времени и обратилось въ естественную мумію ⁶. Причиною сему

---

(6) Впрочемъ, трупы могутъ быть засушены и отъ сильныхъ жаровъ, при палящемъ солнцѣ, на прим. въ большой Нубійской степи — какъ это видно изъ рассказовъ путешественниковъ.

полагають морозы, бывшіе въ Ревелѣ въ Январѣ 1702 года и доходившіе до пес plus ultra; а можетъ статья и свойство цемента, связывающаго камни и кирпичи Николаевской церкви. Гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ, гдѣ лежалъ Герцогъ, стоитъ теперь на полу и нисколько не пострадалъ отъ времени. Декроа росту не высокаго, худощавой; лицо и прочія части сохранились хорошо, хотя и почернѣли, также парикъ, шелковыя чулки съ башмаками и подушки. Изъ-подъ черной бархатной мантіи видна рубашка съ манжетами, тоже сохранившаяся, какъ и усохшій трупъ Герцога, положенный въ генеральскомъ мундирѣ. На лицевой сторонѣ катафалка Латинская надпись, означающая, что Декроа происходитъ отъ Королевской крови и что родился въ 1650 году въ Бельгій; былъ славенъ своими дѣлами; во время Нарвской войны взятъ въ плѣнъ и умеръ въ Ревелѣ въ 1702 году.

Въ дополненіе къ разсказу о героѣ, надо прибавить нѣсколько словъ. Онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ находился въ военной службѣ. Въ 1676 году поступаетъ къ Датскому Королю Христиану, воевавшему въ то время со Швеціею; при этомъ случаѣ отличается и получаетъ чинъ Генераль-Лейтенанта; въ 1678 назначается Коммендантомъ въ крѣпость Гельзингборгъ, завоеванную Датчанами. По заключеніи мира между

Сѣверными державами, Декроа переходитъ къ Римскому Императору Леопольду I, которому предлежала въ то время борьба съ Турціею—съ чиномъ Фельдмаршалъ-Лейтенанта, и снова показываетъ свое мужество, такъ что въ 1693 командуетъ уже цѣлою арміею Императорскихъ войскъ въ Венгріи. Но счастье покидаетъ полководца: не могли удержать за собою крѣпости Бѣлграда, атакованной многочисленными Турецкими полчищами, онъ долженъ былъ отступить, по явной невозможности удержанія крѣпости. За всеѣмъ тѣмъ Декроа обвиненъ и замѣняется другимъ. Послѣ этого нашъ герой поступаетъ къ Саксонскому Курфирсту Фридриху-Августу, въ послѣдствіи Королю Польскому — и командуетъ войсками въ Нарвѣ, но предвидя, что сраженіе будетъ проиграно Саксонцами, Декроа передается Шведамъ. Сперва привозятъ его въ Нарву, потомъ въ Ревель, гдѣ онъ 20-го Января 1702 года и померъ на 52-мъ году отъ рожденія. Сначала положили Герцога въ капеллу церкви св. Николая и никто не заботился о погребеніи, пока не обратилось тѣло въ мумію — какъ я говорилъ уже.

Въ мое время дѣлались капитальныя исправленія въ общей массѣ зданій Николаевской церкви; тамъ былъ удушливый воздухъ и я чрезъ часъ вышелъ оттуда, погруженный въ разныя думы.

« Соборъ » (Domkirche), не высокій, но довольно обширный, построенъ въ XIV столѣтіи Вольдемаромъ III, и также до реформаціи принадлежалъ католикамъ. На стѣнахъ церкви гербы разныхъ лицъ, здѣсь погребенныхъ; полъ изъ надгробныхъ камней съ изваяніями, подобно тому, какъ и въ Николаевской церкви. Среди храма на возвышеніи, гробница изъ бѣлаго мрамора съ разными барельефами, гдѣ покоится Адмиралъ Грейгъ, современникъ Великой Екатерины; у самаго алтаря мраморная пирамида надъ гробомъ Графа Тизенгаузена, бывшаго Флигель-Адьютанта и зятя Свѣтлѣйшаго Князя Смоленскаго, умершаго въ цвѣтѣ лѣтъ и красы среди побѣдъ въ отечественную войну. Съ другой стороны алтаря, памятникъ Графа Понтуса Делагардія, нѣкогда знаменитаго Полководца Шведскаго, предъ которымъ трепетала Польша. Подлѣ Делагардія лежитъ тѣло Графа Делатура, сподвижника Густава-Адольфа, Короля Швеціи. « Эстонская церковь Св. Духа », первая по своей древности и извѣстна по алтарю, художественному произведенію XIII вѣка. Деревянная башня надъ главнымъ зданіемъ, отличаетъ его отъ другихъ зданій подобной архитектуры. Полъ изъ надгробныхъ камней. Прочія церкви «Католическая» и «Шведская» не массивны и построены во времена позднѣйшія, впрочемъ до присоединенія Остзейскихъ гу-

берній къ Россіи. Въ Шведской церкви можно видѣть на прибитой къ стѣпѣ доскѣ надпись, что въ 1710 году была въ Ревель моровая язва, истребившая половину народонаселенія. Православныхъ церквей три: въ городѣ каменная, подъ именемъ Собора, хорошей архитектуры, прочія деревянныя въ форштатахъ.

Теперь о зданіяхъ глубокой древности.

Возлѣ Олайской церкви находится домъ, принадлежащій Братству Св. Маврикія, получившему названіе «Черноголовыхъ» (Schwarzenheupter), построенный въ 1597 году, украшенный барельефами, представляющими знамя, съ изображеніемъ головы святаго и девизомъ на Латинскомъ языкѣ. Это объясняетъ побѣду, одержанную Черноголовыми надъ благородными рыцарями Эстоніи. Архитектура зданія самая древняя (7). Чтобы достигнуть этого единственнаго остатка рыцарскаго вѣка, надобно вамъ идти по длинной, узкой и кривой улицѣ, пресѣкаемой другими такими же улицами. За Братствомъ Черноголовыхъ находится ратуша съ башнями, на которой поставлено изображеніе Св. Маврикія. Вотъ начало основанія Братства:

---

(7) Въ Ревель существуетъ до-нынѣ учебное заведеніе, подъ названіемъ (Domschule) Соборной школы, которую называютъ и «рыцарскою».

Вскорѣ послѣ несчастныхъ событій 1343 года, когда сдѣлано возстаніе жителей противъ вышшихъ властей, нѣсколько молодыхъ гражданъ изъ купечества, родомъ изъ Нижней Саксоніи, Вестфали, Голландіи и Норвегіи, учредили Братство въ тотъ занимательный вѣкъ. Въ 1417 году даны ему особенныя привилегіи, а во время владычества Швеціи, права эти сохранились до той поры, какъ Эстонія была завоевана Петромъ Великимъ. Онъ принимаетъ званіе Протектора и подтверждаетъ во всей полнотѣ права Братства. Братья Св. Маврікія избираются изъ людей, извѣстныхъ по своей честности, торговымъ оборотамъ, не связанные брачными узами. По вступленіи же въ бракъ, члены исключаются изъ братства. Посвященіе дѣлается торжественно: вступающій записываетъ свое имя въ книгу, начальникъ объявляетъ о главныхъ правахъ и обязанностяхъ и тогда пьютъ за здоровье новопосвященнаго изъ серебрянаго покала, съ изображеніемъ оленьяго копыта. Есть и золотые покалы, но они рѣдко употребляются, можетъ быть, отъ того, что слишкомъ объемисты. Парадная одежда Черноголовыхъ состояла изъ синяго мундира и трехъ-угольной шляпы съ плюмажемъ, но теперь замѣнена синимъ мундиромъ съ краснымъ воротникомъ, драгунскими эполетами и каскою, съ гербомъ Братства. Обязанности его членовъ

состоять въ содержаніи карауловъ во время посѣщенія Ревеля Императорской фамиліи. Въ одной изъ комнатъ висятъ модели ганзеатическихъ кораблей, другая главная украшена портретами Россійскихъ монарховъ отъ династїи Романова. Тамъ бывають балы и обѣды. Въ слѣдующей комнатѣ хранятся драгоценности Общества. Въ нарочно заведенную книгу вносятся пожертвованія въ пользу онаго отъ разныхъ лицъ и на первыхъ страницахъ начертаны подписи Петра Великаго и Его царедворцевъ; многіе листы заняты подписями прошедшаго столѣтія, а въ началѣ нынѣшняго — сіяютъ имена Александра I, Николая I, Наслѣдника Цесаревича Александра и В. К. Константина Николаевича. Въ числѣ прочихъ лицъ, подписавшихся въ книгѣ, замѣтны: Герцогъ Кларенскій, въ послѣдствіи Король Англіи, подъ именемъ Вильгельма IV, и храбрый Генералъ Кульневъ, подвизавшійся въ отечественную войну. Во второмъ этажѣ зданія помѣщаются Архивы и Библиотека, гдѣ читаются газеты; тамъ же находятся портреты Русскихъ, Шведскихъ и Датскихъ Государей и разныхъ знаменитыхъ воевателей.

Изъ прочихъ зданій болѣе примѣчательныя: занимаемое Военнымъ Губернаторомъ, Командиромъ Порта, присутственными мѣстами, театръ, закрытый во время бытности моей въ Ревель — и другія изъ частныхъ. Тамъ много благотвори-

тельныхъ заведеній; это дѣлаетъ честь гражданамъ и высказываетъ порывы ихъ къ высокому и прекрасному. Премиленькіе домики въ особенно встрѣчаете въ форштатахъ—и примѣтить надобно, что окна въ домахъ гораздо шире обыкновенныхъ; рамы покрыты бѣлою краскою съ черными по бокамъ и по срединѣ полосками; стекла большія, квадратныя. Это бросается на глаза проезжающему.

Изъ ближайшихъ окрестностей Ревеля занимаетъ первое мѣсто «Екатериненталь». Съ устройствомъ гавани, приступлено къ возведенію дворца въ этомъ увеселительномъ мѣстѣ. Петръ I сначала приказалъ построить для себя особенный домъ слишкомъ скромной наружности, не подалеку отъ теперешняго дворца, чтобы было у него предъ глазами производство работъ, начавшихся лѣтомъ 1718 и чрезъ годъ вчернѣ оконченныхъ. Дворецъ строилъ «Милетти», уроженецъ страны, нѣкогда владычествовавшей надъ свѣтомъ. Государь собственными руками положилъ три кирпича, оставленные въ стѣнѣ не заштукатуренными, съ сохранившеюся до нынѣ надписью. Садъ въ Екатериненталь обширенъ, мѣстоположеніе прелестное; туда каждое Воскресенье и въ праздники собирается лучшая публика; тамъ очень не дурной оркестръ и время проводятъ весело. Конечно,

нѣтъ въ этомъ саду роскошныхъ деревьевъ Юга, но ихъ замѣняютъ каштановыя, тоже въ свою очередь прелестныя и тѣмъ наиболѣе достопамятныя, что насаждены великимъ Преобразователемъ Отечества, гению котораго надобно изумляться. Изъ числа аллей, вообще длинныхъ, одна носить названіе «Философской». Есть танцевальная зала-салонъ, а на берегу залива, морскія ванны для посѣтителей. Лучшія принадлежатъ Г. Витту. Квартиры дороги, еслибы кто изъ прїѣзжихъ вздумалъ остановиться возлѣ ваннъ или на косѣ у оборонительной казармы. Отъ этой дороговизны нѣкоторые дома остаются пустыми на все лѣто, и не думайте, чтобы владѣльцы ихъ убавили что нибудь изъ прежней цѣны, которую считаютъ какъ бы нормальною; за всѣмъ тѣмъ морскія ванны и здоровой климатъ привлекаютъ туда многихъ посѣтителей. Кто владѣетъ порядочными средствами, тому нечего экономничать. Бывало, часовъ въ пять утра отправятся дамы пѣшечкомъ, одѣтые за-просто, подышать чистымъ воздухомъ и насладиться купаньемъ.

Въ концѣ Екатериненталя возносится гора «Лагсбергъ» и упирается въ море своимъ мысомъ. Если подняться на гору по лѣстницѣ, руками человѣческими сдѣланной, то достигнешь ступеней, самую природою устроенныхъ изъ плит-

няка, которымъ такъ изобилуетъ Эстляндія. Видъ отсюда изумительный: подъ ногами вашими зеленеютъ рощи и долины Екатеринентальскія, тихій, прохладный вѣтерокъ перешептывается съ листьями деревъ и кустарниковъ—и едва-едва колышется прибрежное море; лучшая часть Ревеля—Вышгородъ съ его домами и башнями на первомъ планѣ, а подлѣ него чернеется Олай въ видѣ грознаго исполина; острова Наргентъ и Вульфъ, зеленью покрытые, виднѣются издалека; у подножія скалы, надъ самою ея крутизною, тамъ и сямъ разбросаны скромные домики въ сельской простотѣ; на возвышенной же части мыса бѣлѣется маякъ, указывающій путь кораблямъ и пароходамъ посредствомъ лампъ, отражающихъ свѣтъ свой въ металлическихъ зеркалахъ. Оттуда представляется уже весь Ревель во всей красотѣ своей. Возлѣ маяка обломки зданія, построенныя въ вѣкъ Екатерины II, — это казармы, перенесенныя въ послѣдствіи на другое мѣсто, по сырости прежняго и по другимъ причинамъ.

На канунъ Иванова дня готовится въ «Витенгофъ», садъ, лежащемъ за Екатериненталемъ по Гапсальской дорогѣ, любимомъ народномъ гуляньѣ, небольшой фейерверкъ. На ближнихъ скалахъ горятъ въ это время смоляныя бочки и дымъ разносится вѣтромъ; окрестности кипятъ народомъ, отдыхающимъ въ тѣни каштановъ и

густыхъ акацій. Аллеи Екатериненталя тоже наполнены гуляющими въ самой Ивановъ день : тогда собирается и порядочное городское общество—взглянуть на народный праздникъ, на эту пестроту и разнохарактерность.

Кромѣ Екатериненталя и Витенгофа, есть и другія гулянья на мызахъ здѣшнихъ владѣльцевъ, въ которыхъ — скажу украдкою — доселѣ отражается въ разныхъ отбѣнкахъ типъ феодализма среднихъ вѣковъ. И не удивительно: предъ глазами ихъ живая исторія. Можно наименовать «Кошъ», «Тишерть», «Вимсъ». Знаменитый «Фаль» находится въ сторонѣ отъ Гапсальской дороги и скорѣе можетъ назваться роскошною виллою, чѣмъ мызою. Многіе путешественники отправляются туда изъ любопытства, не смотря на тридцать верстъ, отдѣляющихъ мызу отъ города.

«Кошъ», иначе «Красная мыза», Г. Коха, въ трехъ верстахъ отъ Екатериненталя и въ пяти отъ Ревеля. Мѣстоположеніе романическое. Въ сторонѣ отъ дороги, идущей по песчаному морскому берегу, сахарная фабрика Пономарева, извѣстнаго Петербургскаго негоціанта. Потомъ нарисовались предъ нами священныя руины Католическаго монастыря св. Бригитты—это длинное высокое зданіе безъ крыши и фасада его возносится треугольникомъ. Отсюда перенесены—какъ говорить преданіе, въ Братство Черноголовыхъ

нѣсколько образовъ, спасенными сими послѣдними во время разрушенія обители, при походѣ Русскаго Царя Юанна Грознаго. Она построена въ 1407 году и потому осада послѣдовала чрезъ 170 лѣтъ по ея основаніи. Набожные монахини клирошанки проводили тамъ, бывало, благочестивые дни свои. Поляны опоясываютъ монастырскія развалины со всѣхъ сторонъ и свѣтлая Бригитовна извивается около ихъ подножія, катя воды свои съ меланхолическимъ, томнымъ журчаніемъ. Недостатокъ искусства на Красной мызѣ, замѣняется природою, щедро излившей на тамошнюю мѣстность дары свои: необозримыя долины окружены горами, по ихъ ребрамъ желтѣють дорожки сада, а внизу рѣчка. Сюда отправляются нарочито изъ города отъ оборонительной казармы или отъ «косы», въ хорошую, ясную погоду въ небольшой лодкѣ— и чрезъ полчаса вы уже наслаждаетесь природою. Видъ съ Красной мызы на городъ особенно хорошъ: угрюмый Ревель съ его башнями, съ высокими шпицами готическихъ храмовъ, съ его Олаемъ — окаймленъ съ одной стороны военною гаванью, съ другихъ сторонъ Екатериналенемъ, утопающимъ въ зелени садовъ и великолѣпными развалинами Св. Бригиты. По возвращеніи же въ Ревель на зимовку нашего флота, въ началѣ Сентября мѣсяца, панорама является еще превосходнѣе, при взглядѣ на это

множество кораблей съ ихъ разноцвѣтными фла-
гами. Мыза «Вимсъ» принадлежитъ Графу Букс-
гевдену, шесть верстѣ далѣе отъ развалинъ, то-
же богатая ландшафтами, а «Тишертъ» — Барона
Будберга, на 12-й верстѣ отъ города, по дорогѣ
въ Гапсаль, не много въ сторону, имѣетъ свои
красоты. Домъ владѣльца испыталъ разрушитель-
ное дѣйствіе времени, но сдѣланныя въ немъ въ
последнюю пору исправленія, дали посѣтителямъ
нѣкоторое удобство, относительно пріюта—и для
осмотра. Въ виду мызы возвышается цѣпь горъ
разнообразныхъ формъ. Я поднимался на самую
высокую изъ нихъ — сажень сорокъ отъ уровня
моря—и взорамъ моимъ представилась новая кар-
тина: окружныя горы упираются въ море въ от-
вѣсномъ ихъ положеніи, море волнуется, по бе-
регамъ его обломки известняка, въ нѣкоторыхъ
мѣстахъ выглядываютъ пещеры изъ высокихъ, уте-
систыхъ скалъ. На пути къ Тишерту небольшія мызы
«Либерте», «Левенру», а вправо отъ «Витенгофа»,
идетъ дорога на Лютеранское кладбище, замѣ-
чательное по своей мѣстности.

Одинъ изъ Петербургскихъ чиновниковъ, съ
которымъ я хорошо познакомился въ Ревелѣ,
предложилъ мнѣ сдѣлать съ нимъ прогулку въ
Фалль. Могъ ли я отказаться отъ такого случая?
Вотъ мы отправляемся изъ города въ пять часовъ
утра на почтовыхъ, встрѣчаемъ на пути мызы

и деревни, и миновавъ густой, не проникаемый лѣсъ, потомъ «Сосновку», гдѣ обыкновенно останавливаются проѣзжающіе, видимъ издалека зубчатая башня этого очаровательнаго убѣжища графа Бенкендорфа. Природа и искусство въ полномъ своемъ сіяніи, во всемъ великолѣпнѣи и трудно рѣшить, чему изъ нихъ болѣе отдать преимущество? Предъ главнымъ фасомъ зданія, окрашеннаго розовою краскою съ сѣрыми по краямъ полосами и построенаго во вкусѣ готическомъ, такія же ворота съ гербами графа, а на двухъ бокахъ зданія щиты гербовъ изъ трехъ розъ и приличнаго девиза; разноцвѣтныя стекла вставлены въ готическія рамы. Въ Англійскомъ садѣ, предъ замкомъ раскинутомъ, красуются георгины и другія растенія, въ лѣвой его части чугунный барельефъ, вставленный въ стѣну въ 1833 г. графомъ Сиверсомъ въ честь владѣтеля мызы; съ правой стороны возвышаются на прелестной лужайкѣ пять березъ, посаженныхъ въ 1832 и 1833 гг. Державными руками Государя Императора и прочихъ Членовъ Царственнаго Семейства, въ бытность Ихъ въ Фаллѣ у любимаго Царедворца. Маститый, вѣтвистый тополь, образуетъ какъ бы бесѣдку въ садѣ, по дорожкамъ котораго разставлены въ разныхъ мѣстахъ чугунныя скамьи съ гербами Русскихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій, присланныя на мызу ли-

цами, гостившими у графа и изумлявшимися прекраснымъ ея устройствомъ; въ оранжереѣ разнообразныя растенія полуденныхъ странъ и плоды ихъ зрѣютъ, словно, на родной почвѣ; на близъ-лежащемъ возвышеніи монументъ, поставленный въ память брата владѣльца А. К., павшаго со славою во время Турецкой войны; на горѣ, возносящейся въ видѣ скалы надъ уровнемъ земли, бюстъ Его Величества, Императора, съ чугунною вокругъ него рѣшеткою, превосходной отдѣлки, съ именами лицъ, сопровождавшихъ Августѣйшаго Гостя, при посѣщеніи Фалля. Черезъ рѣчку, изъ моря вытекающую, перекинута въ разныхъ мѣстахъ всячье мосты съ чудными перилами; поодаль свѣтлой прудъ, за нимъ длинная аллея изъ тополей и такъ называемая березовая башня; наконецъ показывается изъ-за кустарниковъ нѣсколько домиковъ «Пономарева», въ сельскомъ вкусѣ снаружи, но съ изысканностію внутри—и мыза «Фена», Барона Штакельберга, съ ея зубчатыми стѣнами, построенная въ строгомъ стилѣ и господствующая надъ возвышеніемъ.—Однимъ словомъ, помѣстье графа Бенкендорфа, по словамъ многихъ, одно изъ прекраснѣйшихъ въ Европѣ, а самый замокъ есть зданіе богатое и великолѣпное въ отношеніи постройки, роскоши природы и искусства, сада и всякихъ мостовъ. Все это сдѣлано Штакеншнейдеромъ, Профессоромъ нашей академіи ху-

дожествъ, извѣстнымъ по многимъ монументальнымъ сооруже́нїямъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ.

При взглядѣ на эту роскошь на Сѣверѣ Россїи, воображеніе переноситъ васъ въ классическую Италію, подѣ ея прекрасное небо, въ землю очарованную, гдѣ по словамъ поэтовъ, можно вкушать одно только счастье.

—

По осмотрѣ всего замѣчательнаго въ столицѣ Эстонїи и ея окрестностяхъ, вздумалось мнѣ прокатиться въ «Гансаль», около ста верстъ отъ города. Дорога перекидывалась чрезъ низменныя пространства и хороша во всякое время года, чему способствуетъ и самый грунтъ земли. Число верстъ на столбахъ означается не отъ станціи до станціи—какъ и вездѣ въ прочихъ мѣстахъ Россїи, а отъ города до другаго. Это, вѣроятно, по заграничному. На пятой верстѣ видѣется мыза г. Коха, о которой я упоминалъ уже; не въ дѣльнѣ отъ нея разстоянїи, обломки банни при осадѣ Ревеля Царемъ Грознымъ, а съ 14-й версты показалось зданіе хорошей архитектуры—это мызы Барона Унгернъ-Штенберга. Эсты или Чухонцы живутъ въ отвратительной нечистотѣ, такъ какъ и Чуваши: лачуги ихъ покрыты толстымъ слоемъ навоза—для теплоты; но срединѣ избы разложенъ въ очагѣ огонь и дымъ распро-

страняется облаками, проходя медленно въ разтворенную дверь; около огня сидитъ семейство Чухонца и блаженствуетъ по своимъ понятіямъ объ удобствахъ жизни, внимая то визгу дѣтей, то крику домашнихъ животныхъ, картинно расположившихся съ молодымъ поколѣніемъ на солонѣ по угламъ обширной избы. Правду сказать, что картина эта пасторальная, но нисколько не идиллическая!

Населеніе по тракту не велико; кое-гдѣ встрѣтишь мызы дворянъ и деревушки поселянъ. На 17-й верстѣ дорога расходится на двое—одна идетъ въ Фаль, другая въ Гапсаль. Природа бѣдна и угрюма въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а почва земли вообще неблагоприятная. Какъ не вспомнишь губерніи, составляющія сердце нашей Россіи. Съ 81-й версты показался Гапсаль съ его готическою башнею и почтенными руинами на той сторонѣ залива и—вотъ я въѣзжаю въ этотъ городокъ. Тамъ не болѣе сотни домовъ, прямыя улицы имѣютъ мостовую лучше Ревельской и содержатся въ чистотѣ, такъ точно, какъ съ «Сарептѣ», этой занимательной колоніи. Древность Гапсаля достопочтенна, потому, что въ стѣнахъ его много совершилось историческихъ событій. Между деревянными домами, десятка два каменныхъ, хорошая гостинница, двѣ церкви—Лютеранская, построенная въ 1690 году и въ

1774 возобновленная — и православная въ общественномъ зданіи, до окончанія новой, сооружаемой по красивому фасаду. Жителей въ Гапсаль до тысячи. Торговля его не велика и замѣчательно, что здѣсь находится въ народномъ обращеніи кожанья деньги, съ наименованіемъ двугривенныхъ и прочей мелкой серебряной монеты. Едва ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ встрѣтишь такіе денежныя знаки?—Въ предмѣстіи города находится мыза Гр. Делагардія.

Здѣшнія воды славятся своею цѣлебностію; посѣтителей довольно, въ числѣ которыхъ прѣзжаютъ и столичные аристократы. Здѣсь климатъ лучше Ревельскаго и главное достоинство водъ заключается въ томъ, что можно купаться въ морѣ, безъ вреда для здоровья до самаго Сентября, а въ Ревель только до половины Августа. У самыхъ ваннъ построены дома съ прелестными флигелями — это просто игрушки, и прѣзжающій можетъ имѣть для себя и большую квартиру со всѣми возможными принадлежностями и маленькую, но уютную, со всѣмъ комфортомъ. Посѣтители платятъ хорошо — а это много помогаетъ городу.

Основаніе его относится къ 1279 году; но замокъ, развалины котораго сей часъ мы видѣли, построенъ былъ прежде, именно въ 1228. Вскорѣ послѣ того мятежныя Эсты покоряются Тевтонами

и переносится въ Гапсаль изъ Пернова (8) Епископская кафедра; Епископы управляютъ Гапсалемъ и ему даются отъ владѣтельныхъ лицъ разныя привилегіи. Первая осада города была въ 1309, вторая въ 1344 г. со стороны поселянъ; возстаніе же противъ Нѣмецкихъ властителей вспыхнуло въ Ревельскомъ уѣздѣ—при чемъ 2 тысячи чело- вѣкъ сдѣлались жертвою мятежа. Въ 1563 г. вступаютъ въ Гапсаль Шведы, берутъ послѣ мѣсячной осады замокъ и все имѣнія, принадлежавшія капитулу и совѣту по праву сильнѣйшей стороны;

---

(8) Въ Гапсаль мнѣ передавали объ этомъ городѣ, основанномъ за 600 до сего лѣтъ, очень любопытныя вещи. Не смотря на свою малонаселенность (3 т. жит.), Перновъ даетъ городскихъ доходовъ 25 т. р. сер. и принадлежитъ къ важнымъ торговымъ пунктамъ, по выгодному положенію своему и сбыту произведеній. Двадцать Почетныхъ Гражданъ и купцовъ первой гильдіи, къ городу приписанные, суть двигатели торговли, производимой главнѣйше льномъ, отправляемымъ изъ здѣшняго Порта въ Великобританію и Португалію. Следующія данныя доказываютъ, съ какою быстротою увеличивается отпускъ льна: въ 1839 г. было отпущено 52, т. въ 1840 125 т., въ 1843 — 262 т. пудъ — и это увеличеніе отпуска льна должно отнести къ строгой его браковкѣ и добросовѣстности негоціантовъ, изъ которыхъ одинъ находится Бельгійскимъ Консуломъ. Въ заштатномъ городкѣ Феллинѣ есть дворянскій дѣвичій Институтъ, основанный Императоромъ Павломъ въ 1797 году; а остатки древностей, напоминаютъ славныхъ рыцарей, господствовавшихъ въ Эстоніи въ теченіи трехъ вѣковъ.

тогда положенъ конецъ , власти Епископовъ и кафедре переведена въ Аренсбургъ, на островъ Эзель. Городъ началъ управляться Бургомистрами; въ 1575 онъ передается Датчанамъ, а въ слѣдъ за тѣмъ предсталъ предъ его стѣнами Русскій отрядъ. Хотя замокъ, построенный за полвѣка до основанія города, имѣлъ достаточный гарнизонъ, но туземцы здали его Русскимъ безъ условій. Такъ точно завоеваны ими и другіе окрестъ лежащіе замки. Черезъ шестьнадцать лѣтъ, Шведы опять въ Гапсаль; войскомъ предводителъствуеъ Горнъ: онъ беретъ городъ и осаждаетъ со всѣхъ сторонъ замокъ. Нашъ гарнизонъ защищается храбро , Шведы производятъ сильную канонаду, овладѣвають рвомъ , дѣлаютъ въ стѣнѣ проломъ и требуютъ безусловной сдачи города. Русскіе не соглашаются, но вида, что Эстонцы постепенно передаются Шведамъ, рѣшаются на необходимость—вступить съ послѣдними въ переговоры—и такимъ образомъ поступаетъ во владѣніе Шведовъ городъ съ его округомъ. Въ 1610 году подтверждаются со стороны Густафа-Адольфа права, данныя его предшественникомъ Сигизмундомъ ; спустя восемнадцать лѣтъ, первый продаетъ замокъ съ городомъ за 67 тысячъ талеровъ графу Делагардію, губернатору Эстоніи. По смерти сего послѣдняго, городъ поступаетъ въ управленіе сына.

его, Капцлера Магнуса, потомъ Фельдмаршала Кёнигсмареля — и это былъ счастливый для Гапсаль періодъ; въ 1689 онъ пострадалъ отъ пожара, при чемъ сгорѣла церковь въ замкѣ съ колокольнею и башнею. А по одержаніи Петромъ Великимъ главнѣйшей побѣды надъ Карломъ XII на поляхъ Малороссійскихъ, Гапсаль присоединенъ ко владѣніямъ Россіи вмѣстѣ съ остальною Эстляндіею.

Въ лѣтописяхъ этого города записаны важное событіе и памятный анекдотъ. Незабвенный Петръ пріѣзжаетъ въ Гапсаль 22-го Іюля 1710 года, останавливается тамъ на нѣсколько часовъ, осматриваетъ старыи замокъ, отправляется въ Лейденъ, чтобы оттуда возвратиться въ Ревель. Слѣдуя чрезъ владѣнія дворянина «Рамма», государь посылаетъ сказать ему, что желаетъ посѣтить его и отобѣдать. «А я не хочу этого» — отвѣчаетъ Раммъ, опираясь на прежнія права, которыми пользовались безусловно владѣтели замковъ. Монархъ вѣснхнулъ отъ гнѣва, пріѣхалъ въ замокъ и проучилъ по своему упрямаго защитника старины и потомъ всё-таки остался у него обѣдать. Во время стола, Петръ Великій узнаетъ хорошо хозяина и гнѣвъ свой замѣняетъ милостію. Доброта и умъ Рамма правятся царственному Гостю; онъ мирится съ нимъ и прощаетъ за дерзость. Геній Петра, его лас-

ки, въ свою очередь очаровываютъ хозяина до того, что онъ готовъ былъ жизнью своею жертвовать побѣдителю. При прощаніи царь спрашиваетъ Рамма: «какой хочешь отъ него милости?»—Государь! отвѣчаетъ хозяинъ, увлеченный чувствомъ безграничной преданности «подари мнѣ трость, которою меня наказывалъ; даръ сей будетъ памятникомъ моего заблужденія и вмѣстѣ царской милостью и великодушія Самодержца Россійскаго.» Государь разсмѣялся и отдалъ Рамму трость свою, которая донынѣ сохраняется съ благоговѣніемъ въ стеклянномъ футлярѣ за печатью у его потомковъ—какъ мнѣ рассказывали жители Гапсаля.

Императоръ Александръ изволилъ въ маѣ 1803 года посѣщать этотъ городъ. Домъ, видѣвшій въ стѣнахъ своихъ Державнаго Гостя, донынѣ существуетъ.

—

По прибытіи въ Гапсаль я оставаиваюсь у Г. Ф. . . . и вотъ у насъ начинается разговоръ.

— У васъ, Федоръ Петровичъ, очень миленькой домикъ и конечно, вы получаете порядочный доходъ?

— Не всегда, одинъ только вельможа изъ Петербурга заплатилъ мнѣ щедро и между тѣмъ сдѣлалъ много добра.

— Кто же именно?

— Александръ Степановичъ Лавинскій.

— Да развѣ онъ квартировалъ у васъ?

— Какъ же: въ 1834 году, т. е. за 12 лѣтъ, Его Высокопревосходительство пріѣзжалъ сюда со своею дочерью, фрейлиною Государыни, для пользованія водами—и прожилъ у меня два мѣсяца. Что это за превосходной человѣкъ и какая у него душа! Онъ устроилъ счастье дѣтей моихъ и когда это забыть можно?—Въ заключеніе разсказа, слѣзы потекли изъ глазъ добраго старика. --Да развѣ вы знаете Александра Степановича?

— Я служилъ подъ его начальствомъ въ Сибири, и то, что вы говорите объ этомъ добродѣтельномъ сановникѣ, понынѣ твердятъ многія тысячи—отъ Енисея до Камчатки.

Въ самомъ дѣлѣ, какая пріятная нечаянность: остановиться уроженцу береговъ Ангары въ томъ самомъ домѣ, который занималъ за двѣнадцать лѣтъ бывшій Генераль-Губернаторъ, оставившій по отъѣздѣ своемъ изъ Иркутска столько воспоминаній во всё двѣнадцатилѣтнее тѣмъ краемъ управленіе.

Вотъ еще другой случай.

На третій день пріѣзда моего въ Гапсаль, пошелъ я съ хозяиномъ своимъ прогуливаться. На

пути встрѣчается намъ гарнизонный офицеръ. Сопутникъ мой знакомитъ меня съ нимъ и мы вступаемъ въ разговоръ.

— Давно вы здѣсь?—спрашиваю я инвалиднаго командира.

— Годъ два—не больше.

— Гдѣ служили до этого?

— Въ разныхъ мѣстахъ.

— Родина ваша?

— Она далеко, очень далеко отсюда и вы, милостивый государь, вѣрно, тамъ не были.

— Гдѣ же, на примѣръ?

— Въ Иркутскѣ, у Байкаль-моря.

— Скажу вамъ, это и моя родина и выходитъ, мы съ вами земляки. Фамилія ваша?

— Поручикъ Г.....

— А позвольте узнать вашу?

— Такой-то.

— Въ Иркутскѣ я знавалъ Пастора Беккера; мы жили въ сосѣдствѣ.

— Это мой батюшка.

Едва только произнесено это имя, какъ мой знакомый незнакомецъ воспоминаетъ тотчасъ старину и говоритъ мнѣ съ неописаннымъ восторгомъ: «такого случая я въ вѣкъ свой не забуду; я помню васъ, Вильгельмъ Ивановичъ—и сталъ рассказывать про былое, воскресивъ тоже самое

и въ моей памяти. Мгновенно и я вспомнилъ, какъ мы, будучи въ одинаковомъ возрастѣ, живя въ сосѣдствѣ, проводили время въ дѣтскихъ забавахъ и Поручикъ прибавилъ, что меня звали не иначе, какъ «Пасторскимъ сыномъ.» Г . . . . оставилъ свою родину въ 1816 году и ровно чрезъ тридцать лѣтъ встрѣчаю я этого человѣка лицомъ къ лицу и гдѣ же? въ Эстоніи, на берегахъ Балтики! У насъ завязывается разговоръ, когда мы посѣтили квартиру Сибирика и Ѳедоръ Петровичъ былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ этой сцены.

Съ оставленіемъ Иркутска въ 1841 году, сколько разъ довелось мнѣ имѣть свиданіе съ земляками и близкими знакомыми въ разныхъ мѣстахъ нашего царства и всегда нечаянно, а это увеличивало общій восторгъ. Одного изъ нихъ встрѣчаю чрезъ многіе годы въ Таганрогѣ, другаго на Кавказѣ, третьяго въ Финляндіи. Да мало ли кого ни встрѣчалъ, объѣхавъ почти всю Россію (9)?

---

(9) Вотъ крайніе пункты: Область «Якутская» и граница «Австріи»; Китайская Монголія и снѣжныя вершины «Эльборуса»; берега «Ангары и губернія Астраханская.» Я былъ въ тридцати девяти губерніяхъ нашей имперіи.

Познакомился я въ Гапсалѣ съ почтеннымъ пасторомъ Г. . . . Онъ живетъ тамъ сорокъ лѣтъ, наслаждается золотою посредственностію и пользуется общимъ уваженіемъ. Ученость и необыкновенная доброта этого патріарха, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ прекрасное цѣлое. Много разъ представлялся ему случай получить выгодное мѣсто чрезъ одного знаменитого своего родственника, но старецъ ни за что въ мірѣ не хочетъ покинуть духовныхъ дѣтей своихъ, свою вторую родину и думаетъ похоронить тамъ кости свои.

Послѣ перваго свиданія съ Поручикомъ, я прожилъ въ Гапсалѣ дней пять и видѣлся съ нимъ часто. Разговорамъ не было конца. Онъ благословлялъ судьбу, доставившую случай столкнуться такъ неожиданно съ человѣкомъ, передавшимъ ему столь много о миломъ Иркутскѣ, о святой родинѣ, откуда давно, очень давно не имѣлъ никакой вѣсточки. Я намекнулъ Поручику, что думаю по времени туда возвратиться. Землякъ позавидовалъ моей свободѣ и пожелалъ мнѣ отъ чистаго сердца всякаго счастья. Вотъ настала минута отъѣзда; на глазахъ товарища дѣтства на вернулись слѣзы—и онъ расстался со мною такъ, какъ расстаются съ умершими. Въ самомъ дѣлѣ, два края вселенныя отдѣляли его отъ родины; обремененный семействомъ и недостатками, могъ

ли этотъ человѣкъ и подумать, чтобъ удалось ему еще разъ взглянуть на быструю «Ушаковку, на смиренную Каю» и вообще на живописные окрестности Пркутска? Вотъ, что значить родина! Не даромъ говорится: «когда постранствуешь, воротисься домой, и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ.» Великая истина! Одинъ только философическій деспотизмъ съ нею не согласуется. Онъ всё твердитъ: «человѣкъ есть гражданинъ вселенной,» но это правило слишкомъ стоическое—и я думаю, что ни Французъ, ни Лапландецъ, безъ тяжкой необходимости, его не примутъ.

—

По возвращеніи моемъ въ Ревель въ половинѣ Августа, объявляютъ чрезъ афиши до свѣдѣнія публики, что въ «Гельзингферсъ», отстоящій отъ Ревеля въ 80-ти верстахъ, отправляется пароходъ «Меншиковъ.» Возможно ли было пропустить такую оказію? ⁽¹⁰⁾. Въ 9 часовъ утра мы отправляемся. Погода прекрасная, пассажировъ довольно; всѣ хотѣли воспользоваться послѣднимъ путешествіемъ (*die letzte Lustreise*)—и разгуливали по палубѣ. Исполнѣ Олай возносился

---

(10) Каждый пассажиръ платитъ три цѣлковыхъ въ передній и обратній путь и пароходъ возвращается чрезъ двои сутки; плаваніе же совершается отъ Ревеля до Гельзингфорса, при хорошей погодѣ въ 5—6 часовъ.

среди этой массы зданій, конечно вѣковыхъ и виднѣлся верстъ за тридцать; въ полдень стали рисоваться вѣковые граниты Финляндіи, воспѣтые Баратынскимъ, далѣе показалась Свеаборгская крѣпость, эта непоколебимая твердыня, а въ слѣдъ за тѣмъ мелькнули въ прелестной панорамѣ и зданія самаго Гельсингфорса—съ его красивою набережною. Съ изумленіемъ смотрѣлъ я на знаменитую крѣпость и если не довелось мнѣ видѣть первую въ мірѣ Гибралтаръ, то гордился уже тѣмъ, что видѣлъ, по крайней мѣрѣ, вторую. Мы всё ближе и ближе, но въ одинъ мигъ открывается великая картина: безграничное море, чистое, ясное небо и среди этого свѣтлоголубаго полушарія, среди моря, возвышается островъ изъ камня; граниты покоятся на гранитахъ—и предъ вами неприступный Свеаборгъ съ его твердынями; чрезъ нѣсколько минутъ представилась, какъ на ладони, столица Финляндіи въ ея чудномъ великолѣпнн.

Было Воскресенье; народъ толпился у пристани близъ краснорѣчиваго монумента, воздвигнутаго лѣтъ за двадцать признательными гражданами Гельсингфорса въ честь посѣщенія его Государынею Императрицею, покровительницею города—и мы ступили на берегъ, обмываемый бухтою, отъ чего городъ кажется не при Финскомъ заливѣ, а какъ будто лежащимъ у большой рѣ-

ки. Главнѣйше обращаютъ на себя вниманіе: Сенатъ, Университетъ, Соборъ, Обсерваторія, Театръ, Воксалъ при заведеніи минеральныхъ водъ; наконецъ Ботанической садъ.

Я поднялся прямою улицею, по природному, гранитному тротуару, и взглянулъ сначала на «обсерваторію» противъ гостиницы, построенную на скалѣ. Архитектура ея внѣшняя и внутренняя уподобляется Пулковской Обсерваторіи. Все это показывала дѣвушка, которая исполняютъ здѣсь обязанности чичероне, какъ за границею. Видъ съ Обсерваторіи прекрасной и дикой, свойственный характеру Финляндіи: оттуда являются въ дивной панорамѣ и городъ и крѣпость и окрестности. Потомъ отправился на Сенатскую площадь. Величественныя зданія «Сената» и «Университета» принадлежатъ къ сооруженіямъ монументальнымъ. Устройство послѣдняго превосходно по многимъ отношеніямъ. Покрытыя зеленымъ сукномъ скамьи расположены амфитеатромъ. Кабинетъ рѣдкостей довольно богатъ, заключающійся главнѣйше въ одеждѣ и оружій дикихъ племенъ, населявшихъ Финляндію, а также средне-вѣковыхъ рыцарей. Надъ куполомъ зданія устроена гимнастическая зала. Однимъ словомъ, Александровскій университетъ есть дивный храмъ просвѣщенія. Во всю длину фаса, обращеннаго къ морю, тянется скала въ обдѣланномъ видѣ, въ

родъ кубическако пьедестала и на верхней части
 этого колоссальнаго подножіа воздвигнуть Со-
 боръ, соединяющій въ себѣ великолѣпіе, величіе
 и стройность, а высота подножіа придаетъ ему
 чудесной видъ. Зданіе по своей архитек-
 турѣ имѣетъ нѣкоторое сходство съ Петербург-
 скимъ Троицкимъ Соборомъ: каждая сторона его
 украшается восьмью колоннами Дорическаго ор-
 дена, а небесно-голубой куполь храма усыпанъ
 золотыми звѣздочками. Кромѣ сего послѣдняго,
 находятся четыре приходскія церкви, изъ кото-
 рыхъ двѣ православныя. — Зданіе Сената въ три
 этажа, подобно Университетскому. Въ залахъ
 его собраній, лежатъ на столахъ Библии и это
 введено съ незапамятныхъ временъ. Ботаническій
 садъ, гдѣ посреди шиповника и сирени произ-
 растаютъ подъ стеклянными навѣсами померанцы,
 бананы и другія растенія тропическихъ странъ—
 малымъ чѣмъ уступаетъ окрестнымъ садамъ Пе-
 тербурга; только мало тѣни. Въ концѣ липовой
 аллеи, здѣшняго бульвара, содержамаго въ уди-
 вительной чистотѣ, находится театръ—это дере-
 вянное, довольно красивое зданіе, правда, не
 столь обширное, какъ на примѣръ, въ Саратовѣ,
 но за то не въ примѣръ лучше послѣдняго, въ
 отношеніи фасада, обстановки и игры артистовъ,
 пріѣзжающихъ на лѣто изъ разныхъ мѣстъ. Мор-
 скія купальни и заведеніе искусственныхъ мине-

ральныхъ водъ, устроенныя за нѣсколько верстъ отъ города, почитаются лучшими въ своемъ родѣ въ цѣлой Европѣ. Тамъ раскинутъ Англійскій садъ на мѣстѣ, гдѣ еще не за долго былъ сплошной камень. Прекрасной морской воздухъ, живописныя окрестности, дешевое помѣщеніе, пріятная жизнь, удобство сообщенія Гельсингфорса со многими большими городами посредствомъ пароходовъ — всё это привлекаетъ туда множество посѣтителей. Да, воды тамошнія извѣстны по цѣлебности и своимъ устройствомъ превосходятъ Ревельскія и Гапсальскія, а слѣдственно, едва ли уступаютъ и заграничнымъ. Надобно пожалѣть, что люди, владѣющіе средствами изъ числа живущихъ въ Петербургѣ, не хотятъ воспользоваться этимъ наслажденіемъ въ часы свободы. Морскія ванны укрѣпляютъ тѣло, разстроенное непостоянною или неправильною столитною жизнію и человѣкъ получаетъ по окончаніи пользованія водами какое-то обновленіе, какъ бы новую жизнь. Это я испыталъ на себѣ, принимая морскія ванны въ Ревелѣ. Впрочемъ, желающіе пользоваться ими, должны начать сперва съ теплыхъ ваннъ, число которыхъ зависитъ отъ сложенія человѣка и отъ совѣта доктора — и потомъ уже приступать къ холоднымъ. Купанье въ морѣ продолжается до самаго Сентября, ибо вода теплѣе, чѣмъ въ Ревелѣ, но самое лучшее

время для пользованія юнь мѣсяць—въ эту пору теплота воды по Реомюру 14—18⁰/₀.

На одномъ изъ береговъ Ботаническаго сада устроенъ воксаль, гдѣ прислуживаютъ дѣвушки, какъ въ Сарептской гостинницѣ и въ Столицѣ Польскаго Царства. Удивительный порядокъ и чистота, спорять между собою и поражаютъ новаго гостя. Зала обширна, хорошо освѣщена, оркестръ превосходный. Туда въ Воскресные и праздничные дни собирается много народа изъ всѣхъ сословій. Всюду царить непринужденность, свобода, простота: рядомъ съ Генераломъ прохаживается ремесленникъ, прилично одѣтый. Никто не нарушаетъ уставовъ приличія, всѣ держатъ себя хорошо и подчиняются этикету. Дамы одѣваются со вкусомъ и время проводится на балахъ пресвесело.

Здѣшнія лавки, при первомъ обзорѣ ихъ, удивятъ васъ своимъ изумительнымъ разнообразіемъ. Что вы тамъ не увидите? Какая нибудь цѣнная вещь, предметъ роскоши и изысканности—и возлѣ нея самая мелочная. Все можно купить дешево. Замѣчу еще, что очень дешевы номера въ здѣшнихъ гостинницахъ, а кушанье и того дешевле. Готовятъ прекрасно; о винахъ и говорить нечего, если кто вспомнить, въ Гельзингфорсѣ порто-франко. Лучшая гостинница, по набережной, и я не думаю, чтобъ гдѣ либо не только въ

губернскомъ, но и уѣздномъ городѣ, можно было нанять чистенькую комнату, довольно просторную и полную комфорта—за полтинникъ. За общій столъ, накрываемый для посѣтителей въ прекрасной залѣ и состоящей изъ пяти блюдъ, каждый платитъ по 35 коп. сер. Въ верхнемъ этажѣ, за такой же номеръ, не много по меньше, 30 коп. сер. Знаете ли, сколько платится въ г. Ромнахъ, Полтавской губерніи, за комнату въ сутки, слишкомъ не изысканную? — Цѣлковый. А въ дни ярмарки эта цѣна восходитъ до трехъ и пяти цѣлковыхъ.—Въ Гельзингфорсѣ дешевы и извозчики, употребляющіе для своей ѣзды хорошіе экипажи: въ часъ по двугривенному, т. е. втрое дешевле противъ Кіева и Харькова. Раздолье, да и только—погулять по городу въ покойныхъ пролеткахъ, запряженныхъ славною лошадью. Скажу теперь въ заключеніе, что лѣстницы домовъ, занимаемыхъ гостинницами, усыпаны ельникомъ—а это наводитъ на путешественника какую-то грусть. Таково обыкновеніе у Финляндцевъ, перешедшее къ нимъ, статья можетъ, отъ Скандинавовъ.

Гельзингфорсѣ имѣетъ портъ одинъ изъ обширныхъ, безопасныхъ и самыхъ укрѣпленныхъ въ мірѣ, защищенъ Свеаборгомъ, который по неприступному положенію, по грозному виду извнѣ и изнутри, можно, по справедливости, назвать

«Сѣвернымъ Гибралтаромъ». Его гранитныя стѣны и грозныя батареи построены на семи гранитныхъ островахъ, расположенныхъ въ видѣ полукружія ; между этими островами единственный проходъ въ гавань для военныхъ кораблей. Главные острова соединены между собою плашкоутными мостами. Тамъ воздвигнуты оборонительныя казармы въ размѣрахъ смѣлыхъ и колоссальныхъ ; тамъ всё на скалахъ и изъ скалъ , но печальный видъ сѣраго гранита оживляется зеленью небольшихъ садовъ, разведенныхъ на землѣ насыпной. Видъ съ моря на Свеаборгъ и вмѣстѣ на Гельсингфорсъ, истинно чудесный.

Первый отстойтъ отъ послѣдняго въ семи верстахъ и отлично рисуется въ ясную погоду. Для осмотра крѣпости и близъ лежащихъ гранитныхъ острововъ, употребляются небольшіе параводы сажени двѣ въ длину, соответственной ширины ; управляютъ двумя мальчиками. Узенькая труба паравода едва-едва дымится. За гривенникъ , много за двугривенный — вы можете прокатиться по заливу , погулять , посмотрѣть занимательныя вещи и на томъ же параводѣ возвратиться назадъ. Впрочемъ довольно опасно путешествовать на такихъ параводахъ, потому что , въ случаѣ небольшого вѣтра, легко можетъ случиться несчастье. Однако не всѣ обращаютъ на то вниманіе.

Вообще Гельсингфорсъ, этотъ главный городъ В. К. Финляндскаго и мѣстопробываніе Императорскаго Финляндскаго Сената, можетъ назваться Петербургомъ въ миниатюрѣ и однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ въ Европѣ. Въ отношеніи устройства своего, онъ растётъ также быстро, какъ и Петербургъ. Возобновленный въ 1815 году, первый сталъ отстраиваться и украшаться съ быстротою, едва вѣроятною, точь въ точь, какъ Одесса, созданіе Дюка Ришелье. На мѣсто ветхихъ домовъ съ коническими крышами, появились многія великолѣпныя зданія, которыя могли бы составить украшеніе любой изъ Европейскихъ столицъ. Улицы прямыя, длинныя, въ ширину сажень восемь, разрѣзывающіе городъ на правильные квадраты; мостовая—прелесть, ну, право не хуже Петербургской, въ видѣ красивыхъ узоровъ; вездѣ гранитные протуары, превосходно отдѣланные. Деревянные дома построены на фундаментѣ изъ такого же камня—и это очень мило. Да и какой же гранитъ! Всюду видны довольство и чистота. Жителей въ Гельсингфорсъ тысячь четырнадцать и площадь, городомъ и форштатомъ занимаемая, довольно обширна. Въ последнемъ вы встрѣчаете простые домики скромной наружности.—Для уравниенія мѣсть, взрывали гранитные утесы, проводили по нихъ широкія, прямыя улицы и нагота гранита одѣвалась цвѣтущею

зеленю. На огромныхъ камняхъ , прикрытыхъ слоемъ искусственной почвы , устроены пашни, и растенія, тамъ посѣянная , получая жизнь, даютъ безбѣдное туземцамъ пропитаніе. Въ этомъ случаѣ трудолюбіе Финновъ угодняется Китайскому.

—

Не лишнее упомянуть здѣсь , что начальное завоеваніе Финляндіи приписывается Шведскому Государственному Ярлу (11) Биргеру, известному по изданію мудрыхъ для Швеціи законовъ , но варварскій поступокъ этого челоуѣка въ умерщвленіи, по видамъ политики, родныхъ братьевъ своихъ—какъ гласятъ страницы Исторіи— помрачилъ славу его въ глазахъ современниковъ и потомства. Что же касается до самаго Гельзингфорса, то основаніе его относятъ къ 1649 году.

—

Изъ Гельзингфорса обратился я въ Ревель , жалѣя , что время не дозволило мнѣ быть тогда же въ Ливоніи и Курляндіи и что не могъ взглянуть на Иматру , известный водопадъ. — Оставалось одно—прокатиться въ другой разъ, чтобы уже кстати осмотрѣть Университетъ Дерптскій , замѣчательное святилище наукъ.

—

---

(11) Графъ или Бояринъ.

Въ началѣ іюня 1847 г. совершенно мною съ этою цѣлію вторичное путешествіе на одномъ изъ Шведскихъ параходовъ. Въ числѣ пассажировъ находились студенты и заслуженные ветераны : первые расхаживали по палубѣ , безопасно покуривая свои сигары и любезничали съ молоденькими дамами ; послѣдніе флегматически по-сматривали на всё , ихъ окружающее и радѣхоньки были случаю завести съ кѣмъ нибудь разговоръ о походахъ , особенно одинъ Генераль , раздѣлявшій побѣды свои съ Потемкинымъ и Суворовымъ. Какая осанка , какое мужество на лицѣ 80-ти лѣтняго воина ! Какъ онъ здоровъ еще и свѣжъ , не смотря на свои раны , о которыхъ столько рассказывалъ ! Это человекъ прежняго поколѣнія , скованный , кажется , изъ стали.

Надо было подплыть намъ къ Ревелю , чтобы принять пассажировъ , отправлявшихся въ Ригу и оставить тѣхъ , которые не желали слѣдовать далѣе. Шкиперъ объявилъ намъ , что параходъ пробудетъ въ рейдѣ два часа и что еслибы кто изъ насъ вздумалъ побывать въ Ревелѣ , то можетъ этимъ воспользоваться. Сдѣлалось пасмурно и довольно свѣжо , сталъ накрапывать дождь , но я за всѣмъ тѣмъ хотѣлъ еще разъ посѣтить городъ : воѣ захожу въ гостинницу на морскоѣ улицѣ къ прежнему знакомому хозяину , у котораго въ прошедшемъ году останавливался. Ста-

рикъ обрадовался и мы размѣнялись разговорами. Это въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ, истый морякъ во всѣхъ отношеніяхъ, проведеній въ званіи шкипера купеческихъ судовъ болѣе полустолѣтія. Гдѣ онъ не бывалъ и чего не видалъ? Разказы его увлекательны.

По минованіи отъ Ревеля восьмидесяти верстъ, пароходъ нашъ долженъ былъ остановиться по причинѣ сильнаго тумана. Стоянка продолжалась цѣлые восемнадцать часовъ. Скучно такое бездѣйствіе, да нечего дѣлать! Мѣста опасныя: какъ разъ наткнешься на мель или на подводный камень. Долго ли до грѣха! Мои спутники проводили это время въ преферансъ и выказывали себя славными игроками, а я не могъ раздѣлять ихъ удовольствія, потому, что доселѣ не посвященъ въ тайнства игры. Нынѣ всякой порядочной человѣкъ играетъ въ карты, но я, за всѣмъ тѣмъ, наперекоръ всему, не имѣю къ нимъ ни малѣйшаго пристрастія.

На третій день по оставленіи Петрополя, показалась земля: на правой сторонѣ обрисовались острова Даго и Вормсъ, жительство феодальныхъ бароновъ, на лѣвой сторонѣ замокъ Делагардія, о которомъ я говорилъ уже — и городокъ Гапсаль (12). Потомъ явился «Балтійскій Портъ», но-

---

(12) Отъ Гапсали до острова Даго считается 45 верстъ и плаваніе совершается на небольшихъ лодкахъ.

сившій до 1762 года названіе «Рогервика», гдѣ, по мысли Екатерины II, предполагено устроить главный военный Портъ въ Россіи. Когда-то ссылали въ Рогервикъ преступниковъ въ работу за тяжкія вины. Тамъ находился, въ числѣ прочихъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ, извѣстный «Ванька-Каинъ».

Съ брантвахты подплываютъ къ намъ въ шлюпкѣ таможенные чиновники и исполняютъ свою обязанность. До Риги ⁽¹⁵⁾ еще четырнадцать верстъ; по минованіи же Дюнаминда, крѣпости на острову, взору нашему представились древнія, готическія башни портового города — и параходъ нашъ останавливается у пристани, противъ замка.

Мнѣ хотѣлось, по прибытіи въ главный городъ Ливоніи, безъ замедленія отправиться въ Митаву, чтобы поспѣть къ праздникамъ, по случаю Иванова дня, продолжающимся цѣлую недѣлю, начинающимся по Календарю Грегорианскому съ 12-го Іюня, а съ окончаніемъ этихъ праздниковъ (и ярмарки) обратиться въ Ригу, чтобы тамъ снова отпраздновать канунъ Иванова дня въ 23-е Іюня. Я беру билетъ въ конторѣ дилижансовъ

---

(13) Рига отъ Петербурга сухимъ путемъ 565 верстъ; чрезъ Ревель 700, но моремъ будетъ меньше.

(¹⁴), устроенныхъ для удобства сообщеній со-
сѣдственныхъ городовъ — и мы отправляемся. До-
рога чудная на всемъ ея протяженіи 38-ми вер-
стахъ; такого шоссе рѣдко гдѣ встрѣтишь въ
провинціи. Мѣстоположеніе ровное, природа бѣдна,
но по отъѣздѣ версть двѣнадцати, она является
въ лучшей декорации; населеніе не велико; однѣ
только небольшія мызы здѣшнихъ дворянъ мель-
кали въ отдаленіи, но въ замѣнъ того, мы встрѣ-
чали на пути множество фуръ, набитыхъ въ пол-
номъ значеніи этого слова Израильтянами обоихъ
половъ и всѣхъ возрастовъ — и онѣ тащились ме-
дленнымъ шагомъ. Какъ это сходно съ картин-
кою, изображающею жидовъ, ѣдущихъ на ша-
башъ! Они не имѣютъ ни малѣйшей жалости къ
благороднымъ животнымъ, содержимымъ такъ
хорошо на островѣ Европейскаго материка. По-
падались намъ и легкіе, запряженные четверкою
линейки, въ которыхъ помѣщается пятнадцать
пассажировъ, по три въ рядъ — и въ заключеніе
толпа мальчиковъ и дѣвочекъ въ лохмотьяхъ, бѣ-
жавшихъ за экипажемъ съ оглушающимъ крикомъ,
испрашивая себѣ подаванія. Надобно было удив-
ляться быстрому ихъ бѣгу, потому что они ни

---

(14) Первое мѣсто въ каретѣ три четверти рубля, второе
полтинникъ — и путешествіе совершается въ три съ поло-
виною часа, съ кратковременною остановкою на станціи.

за что не хотѣли отстать отъ дилижанса. Дѣвочки бросали въ растворенныя его окна вѣнки изъ цвѣтовъ ; два изъ нихъ упали къ ногамъ моего сосѣда, веселаго Дерптскаго студента. Слѣдовало и имъ что нибудь кинуть изъ мелкой монеты, хотя по правдѣ сказать, во сто разъ пріятнѣе бы, когда подобные вѣночки брошены были взрослыми, миленькими дѣвушками, иначе притомъ одѣтыми. Послѣ того дорога перекинулась чрезъ густой лѣсъ, перемѣшанный съ подростками—и безлѣсныя равнины; мы прибыли на станцію, не много позавтракали и пустились далѣе. Съ каждымъ шагомъ близость Митава становилась ощутительнѣе; по минованіи же замка бывшихъ Курляндскихъ Герцоговъ, мы ее достигаемъ. Надобно пожалѣть, что это зданіе не въ центрѣ города, а отдѣлено отъ него обширною поляною, что производить на путешественника не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе.

Какое ничтожное разстояніе, подумалъ я, отдѣляетъ губернской городъ отъ другаго! А въ Сибири? Тамъ и уѣздные города отстоятъ другъ отъ друга на тысячу и болѣе верстъ.

Съ трудомъ могъ я приискать себѣ квартиру въ ярмарочное время и то чрезъ одного услужливаго фактора. Здѣсь таже исторія, что въ Ревелѣ: владѣлецъ дома ни почему не уступигъ вамъ изъ дорогой цѣны, которую получалъ прежде

и отъ сего многіе дома съ вывѣсками объ отдачѣ ихъ въ наемъ желающимъ, остались не занятыми. Кому, въ самомъ дѣлѣ, охота изъ людей не богатыхъ, платить въ три-дѣрога! Потомъ началъ я осматривать городъ. Онъ раскинутъ на равнинѣ и мѣстоположеніе его, въ нѣкоторыхъ частяхъ, уподобляется Иркутску; не значительная рѣка Ла обтекаетъ Митаву съ трехъ сторонъ. Здѣсь считается болѣе двадцати тысячъ жителей и только пять христіанскихъ церквей, да три Еврейскихъ синагоги ⁽¹⁵⁾. Изъ первыхъ — двѣ Евангелическихъ, Католическая, Финская и Православная, всѣ обширныя. Евангелическія построены въ вѣкъ реформации Лютера, послѣднія въ позднѣйшее время. Домовъ тоже не много, сравнительно съ массою народонаселенія—меньше тысячъ ⁽¹⁶⁾; въ этомъ числѣ четвертая часть каменныхъ. Это показываетъ, какъ тѣсно живетъ низшій и средній классъ народа и сколь должны быть обширны нѣкоторыя зданія. Первое мѣсто,

---

(15) А въ Переяславль-Залѣсскомъ, одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ бывшаго Владимірскаго Великокняжескаго владѣнія, какъ 1 къ 145, противъ Митавы болѣе въ семнадцать разъ.

(16) Въ Иркутскѣ, при 16-ти т. населенія, болѣе двухъ тысячъ домовъ, въ числѣ которыхъ довольно большихъ и даже огромныхъ. Можно судить, какой тамъ просторъ!

занимаетъ, безспорно, замокъ, подъ названіемъ дворца, въ отношеніи его объема и величественнаго фасада, строенный тѣмъ же Графомъ Растрелли, который въ вѣкъ Елисаветы сооружалъ зимній Петербургскій дворець. Въ замкѣ помѣщаются присутственныя мѣста, начальникъ Губерніи, Вице-Губернаторъ и много другихъ лицъ—со всевозможными удобствами. Изъ домовъ частныхъ не очень много такихъ, которые бы обращали вниманіе своимъ фасадомъ, но большихъ все таки довольно—какъ и выше мною замѣчено. Объ гостинницѣ Цана, одной изъ лучшихъ, нельзя прейти молчаніемъ и что тамъ номера въ Ивановскую недѣлю не помѣрно цѣнны. Театръ здѣшній нисколько не занимателенъ по наружности и по внутренней обстановкѣ; все это въ страшной ссорѣ съ архитектурою и со вкусомъ. Нѣкоторыя изъ трактирныхъ и другаго рода заведеній, имѣютъ замысловатыя надписи на Нѣмецкомъ и Еврейскомъ; на иныхъ домахъ замѣняютъ надписи изображенія: такъ, на воротахъ дома, гдѣ живутъ мясники, нарисовано животное съ рогатой головой. Улицы довольно прямыя и длинныя, а главная изъ нихъ, раздѣляющая городъ на двѣ части, имѣетъ порядочную ширину; жаль только, что онѣ не обставлены тротуарами; жители путешествуютъ больше по срединѣ улицъ, гдѣ линія мостовой плитообразнаго очертанія.

Какъ не имѣть тротуаровъ въ значительномъ Губернскомъ городѣ, когда и въ порядочныхъ уѣздныхъ городахъ, на прим. Бѣлевъ, Козловъ, Ельць—онѣ устроены? И гдѣ видано, чтобы дамы, пожалуй, и не вышаго круга, разодѣтыя въ пухъ, прохаживались по срединѣ мостовой и то, Богъ знаетъ, по какой—въ легонькихъ башмачкахъ! Неудобства эти, конечно, не замѣчаются лицами, пользующимся избыткомъ и разѣзжающимъ по улицамъ въ спокойныхъ экипажахъ. Впрочемъ, главная прогулка дѣлается по городскимъ окрестностямъ и въ чертѣ города—въ лѣтнее время. Публичный садъ Графа Лиліенфеста, перешедшій къ нему отъ Медема, родоначальникъ котораго, Орденсмейстеръ Фонъ-Медемъ, основалъ Митаву въ 1271 году, довольно обширенъ и хорошо устроенъ; стеченіе публики бываетъ тамъ многочисленное, особенно въ дни праздничные и воскресные. Въ мое время давался въ этомъ саду концертъ: вотъ являются на сцену бородатые артисты, помѣщаются на особомъ помостѣ и исполняютъ свое дѣло очень удачно, при рукоплесканіяхъ публики. Есть два три сада за чертою города, но тѣ составляютъ одно лишь гулянье народное. Видѣлъ я въ Митавѣ «Эрнста», однако посѣтителей въ театральномъ зданіи было не много, не смотря на извѣстность этого человѣка въ музыкальномъ мірѣ.

На ярмарку съѣхалось отовсюду довольно народа, но все мало, сравнительно съ прежнимъ временемъ, потому что торговля примѣтно стала упадать и теперешніе обороты капитала не значительны. Жида здѣшніе, которыхъ появилось довольно въ стѣнахъ Митава, по случаю ярмарки, всѣ почти носятъ Нѣмецкое платье, и вамъ обличаетъ поклонника Талмудова ученія, одно только произношеніе его съ Еврейскимъ акцентомъ.

—

Курляндія завоевана въ 1247 г. Рыцарями Тевтонскаго ордена, по соединеніи сихъ послѣднихъ съ Меченосцами, а собственно Митава нѣсколько позднѣе—какъ выше упоминалъ я. Тамъ пребывали со второй половины XVI столѣтія Герцоги; это продлилось до 1795 года. Въ промежуткѣ сего времени уступается Ливонія, занятая Русскими войсками, Польша—и Курляндскій Герцогъ Готгардъ Кетлеръ оставляетъ за собою одну Курляндію, поступившую въ послѣдствіи въ число нашихъ владѣній. При Екатеринѣ I находился Герцогомъ Фердинандъ, а эта достопамятная эпоха напоминаетъ властолюбиваго Менщикова, замышлявашаго быть Герцогомъ не упраздненнаго еще престола. По тогдашнимъ обстоятельствамъ не лзя было бороться съ сильнымъ временщикомъ и оставалось одно — предложить ему отъ

лица Принца Морица Саксонскаго значительный кушъ только за то, чтобъ оставилъ свои замыслы. Къ Меншикову отправляется объ этомъ депеша, но враги перехватываютъ ее — и странная игра случая! это самое письмо, съ кончиною Императрицы, служить однимъ изъ главныхъ, обвинительныхъ пунктовъ суда, наряженнаго надъ царедворцемъ, достигшимъ своего апогея и свергнутымъ съ высоты славы и величія.

—

Въ разныхъ мѣстахъ Курляндіи находятся развалины древнихъ замковъ, построенныхъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ, напоминающихъ господство ееодальныхъ бароновъ и славныхъ рыцарей. Собственно же въ Митавѣ нѣтъ подобныхъ памятниковъ старины между частными и общественными строениями. По крайней мѣрѣ, я ихъ не замѣтилъ во время своего кратковременнаго тамъ пребыванія.

—

Прежде оставленія этого города, вздумалось мнѣ взглянуть на его окрестности; вотъ я отправляюсь по теченію рѣки въ маленькой лодкѣ до мызы N и смотрю на все глазами любопытства. Воображеніе переноситъ меня за семь тысячъ верстъ, на берега классической Ангары, въ далекій Иркутскъ, гдѣ провелъ долгіе годы жизни своей — и нахожу, что окрестности Митавы далеко

не столь живописны, какъ Иркутскія. Вода въ рѣкахъ тамошнихъ чистая и прозрачная, какъ хрусталь, а въ рѣкѣ, по которой плыль я, очень мутная. А Сибирская флора? Ну, какъ сравнить ее съ Курляндскою. Довольно времени провелъ я у словоохотнаго хозяина моей квартиры, чело-вѣка съ порядочнымъ образованіемъ—и на во-просъ его: нравятся ли мнѣ мѣста, отвѣчалъ от-рицательно, и что, на примѣръ, въ Сибири онѣ лучше.

— Да это не можетъ быть.

— Отъ чего же?

— Помилуйте, тамъ страшная глушь, морозы зимою не выносимы, ѣздятъ на собакахъ и жизнь, конечно, самая скучная и однообразная (17).

— Вотъ то-то нѣтъ: всѣ вы, господа, заблуждае-тесь на счетъ края. Есть тамъ, правда, и много скучныхъ мѣстъ, на Сѣверѣ Сибири, у Ледови-таго моря, въ странахъ полярныхъ, гдѣ нибудь въ

(17) Подумаешь, какъ еще мало извѣстна страна въ кругу низшемъ! А что писалъ о самой Москвѣ и вообще о Россіи «Герберштейнъ», тотъ великій ученый мужъ, за три столѣ-тія? Онъ называлъ ее странюю «полночною», населенною медвѣ-дями и что жить тамъ не безопасно. А объ нашей Сибири, богатой, неисчерпаемой Сибири, не писалъ и этого, не зная, существуетъ ли она на бѣломъ свѣтѣ.

Среднеколымскѣ, Березовѣ, но гдѣ же ихъ и нѣтъ?

— Но все-таки справедливо, что въ Сибири бздятъ на собакахъ?

— Совершенно справедливо, да гдѣ же это дѣлается? Въ Охотскомъ краѣ, въ Камчаткѣ, отсюда десять-тринадцать тысячъ верстъ — не болѣе. Вижу, что вы мало слышали объ этой странѣ, а еще менѣе читали.

— Я ничего рѣшительно не читалъ о Сибири на Нѣмецкомъ, а слышалъ объ ней довольно, но выходить, что эти слухи не совсѣмъ правдоподобны.

— Именно такъ. Сибирь есть край, до нынѣ не початой и не развѣданный, не смотря на теперешнюю цивилизацію — и который еще требуетъ тщательнаго, долговременнаго изученія. Нужно ли удивляться этому? Сибирь занимаетъ площадь, втрое болѣе Европейской Россіи, т. е. триста тысячъ географическихъ квадратныхъ миль и между тѣмъ болѣе всей Европы 74 т. квадратными милями. На этомъ необъятномъ пространствѣ, съ небольшимъ два милліона населенія ⁽¹⁸⁾, меньше, чѣмъ въ

---

(18) Въ Тобольской Губерніи считается до милліона населенія, Иркутской съ областями Забайкальской и Якутскою свыше пол-милліона, Томской 400 т., Енисейской 200

одномъ Пекинѣ! Послушайте, отъ «Березова», куда былъ сосланъ Меншиковъ, великій временщикъ и столь же великій въ несчастіяхъ—до «Нижекамчатска», безъ малаго десять тысячъ верстъ, тогда, какъ отъ Петербурга до Лиссабона далеко нѣтъ и половины. Судите изъ этого, какъ велики должны быть Губерніи (19), ихъ уѣзды и даже волости. И одна изъ послѣднихъ вмѣститъ въ себя, пожалуй, двѣ-три Нѣмецкія державы; а любое селеніе въ Россіи, больше инаго Нѣмецкаго Герцогства (20).

Между тѣмъ, какъ содержатель мызы слушалъ

т., Камчатской менѣе 10 тысячъ. Слѣд. одна изъ Сибирскихъ Губерній, вмѣщаетъ въ себѣ почти столько же населенія, сколько четыре, но за то одна Иркутская равняется остальнымъ по своему объему. Площадь, занимаемая Сибирью, до-нынѣ не измѣряна, по естественной невозможности, исключая уѣздовъ, болѣе населенныхъ; однакожъ можно определить въ Иркутской Губерніи приблизительно болѣе 50 т. квадратныхъ десятинъ земли, способной для хлѣбопашества и пр.; на квадратную же версту не приходится по всей Сибири и по одному человѣку, а въ Саксоніи по 4 т. чел. на квадратную Нѣмецкую милю!

(19) Не болѣе, какъ за годъ, было четыре Губерніи, до открытія Камчатской, и областей Якутской и Забайкальской.

(20) Одинъ изъ нашихъ путешественниковъ писалъ между прочимъ, что въ теченіи одной недѣли онъ былъ во время отечественной войны въ трехъ государствахъ—въ Прусской Силезіи, Саксоніи и Баваріи.

меня съ постепенно-возрастающимъ вниманіемъ, входятъ въ комнату двѣ дѣвушки — взрослая и несовершеннолѣтняя, дочери его.

— Вы рассказываете любопытныя вещи, замѣтила старшая. Пожалуйста, передайте намъ побольше о Сибири, которую, какъ видно, хорошо знаете.

— Я родился на берегахъ Ангары: въ Иркутскѣ проведены незабвенные годы моей жизни и съ какою-то гордостію называю себя «Сибирякомъ». И такъ извольте меня слушать. Сѣверъ этой дѣвственной страны не столько интересенъ, какъ юговосточная ея часть, гдѣ и населенія гораздо больше. Но обитатели перваго, сроднясь съ климатомъ и этими страшными морозами, вѣрно, не промѣняютъ скучной родины своей на голубое небо Италіи. И на берегахъ Ледовитаго моря царитъ все таже чудная природа, съ ея сѣверными сіяніями, громадными ледяными горами, на которыхъ играютъ холодные лучи солнца! И тамъ живутъ люди въ пасторальной простотѣ, довольные своей судьбою! Звѣриные промыслы доставляютъ туземцамъ вѣрныя, надежныя средства существованія и даже избытокъ, какъ между тѣмъ въ отечествѣ Тасса, претерпѣваетъ простой народъ неописанную нужду въ необходимостяхъ жизни. Въ Юговосточной полосѣ Сибири климатъ довольно умѣренный и вы можете

тамъ встрѣтить пріятныя окрестности, право не хуже Швейцаріи и живописныхъ береговъ Рейна, о которыхъ писано тысячу разъ путешественниками, но кто могъ передать вѣрныхъ, подробныхъ очерковъ о красотахъ и богатствѣ этой части Сибири, столь удаленной отъ пунктовъ, гдѣ движется цивилизація? Много ли естествоиспытателей посѣщали ее? Одинъ только «Палласъ», бывшій тамъ въ первые годы Екатеринина царствованія, сообщилъ о странѣ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія; другіе же писали не много. При взглядѣ на эти горы, индѣ представляющія обломки строеній, развалившіеся гроты, на вершинахъ коихъ рука природы воздвигла какъ бы искусственныя портики; на эти холмы, унизанные прекраснѣйшими цвѣтами, разносившими всюду свое благоуханіе, осѣненные величавыми кедрами и пихтами—великій натуралистъ былъ очарованъ и рѣшился провести ночь подъ сводомъ небеснымъ, возлѣ свѣтлаго ручья, катившаго воды свои съ томнымъ журчаніемъ. Восходъ солнца изобразилъ дивную картину — и восклицаніе Палласа, что лучше этой страны, онъ въ жизни своей не видывалъ, невольно вырвалось изъ устъ его (21). Это

---

(21) Рѣчь шла о Дауріи, теперешней Забайкальской области, прилегающей съ одной стороны къ Манджуріи, съ другой къ Монголіи.

и я скажу, бывши нѣсколько разъ въ сторонѣ забайкальской, гдѣ между прочимъ имѣлъ случай видѣть близъ р. Онона развалины дворца Чингисханова, этого нѣкогда грознаго властителя пол-міра. И чѣмъ дальше углубляетесь вы въ мѣста необитаемая, тѣмъ болѣе поражаютъ васъ эти обворожительные ландшафты. Чего вы тамъ не найдете? И чудные водопады (можетъ быть не хуже «Нарвскаго»), и живописныя долины посреди хребтовъ-исполиновъ, гордо возносящихъ убѣленные снѣгомъ главы свои, и все это въ дикомъ, первобытномъ величій, какъ бы сей-часъ вышедшее изъ рукъ Создателя. «Хамаръ-Дабанъ» есть высочайшая точка хребта Саянскаго ⁽²²⁾, но грандіозный образъ этого колосса, не представляетъ ни развалинъ древнихъ жилищъ, ни признаковъ богатаго земледѣлія: тамъ царство порывистыхъ вѣтровъ и бурь грозныхъ. Въ особенности замѣчательны округи Минусинскій, (въ Енис. Губ.) Курганскій ⁽²³⁾ (въ Тоб. Губ.) и по благорастворенности тамошняго климата, могутъ назваться Сибирскою Італіею. А богатства страны

---

(22) Вершина этой горы въ перпендикулярномъ положеніи отъ уровня Байкала до 10 т. фут., т. е. гораздо выше «Сень-Бернарда».

(23) Въ Курганѣ находился извѣстный драматическій писатель Коцебу.

по всѣмъ царствамъ природы, доселѣ не исчерпанныя? Что значать древніе Перуанскіе рудники въ сравненіи съ Сибирскими, доставляющими одного золота до двухъ тысячъ пудовъ ежегодно? Тамъ во всѣмъ изобиліе, приволье; нѣтъ только плодовъ — а безъ нихъ можно, кажется, обойтись. Сколько встрѣтите вы благоухающихъ кустарниковъ, сколько разнородныхъ цвѣтовъ и ягодъ! Многія растенія имѣютъ истинно-цѣлебное свойство; между ними особенно замѣчательно Китайское, подъ названіемъ «Жень-Синь», Помъ д'амуръ Даурскій (корень котораго продавался когда-то на вѣсъ серебра), употребляющееся съ величайшею пользою противъ разныхъ застарѣлыхъ болѣзней. Есть также въ Дауриі красное дерево, черная береза, персиковое дерево, годныя для разныхъ подѣлокъ, желтое дерево, дающее превосходную краску; яблонь Сибирская съ ягодами побольше горошины, растущая и въ другихъ уѣздахъ. Лѣсъ въ Сибири не имѣетъ почти никакой цѣны и вы догадаетесь, что лѣсной стражи нѣтъ тамъ и въ поминѣ. Повѣрите ли еще, что находятся крестьяне, разумѣется, казенные (24), у которыхъ по двѣсти и по триста

---

(24) Въ Сибири нѣтъ помѣщиковъ, исключая одного въ Красноярскомъ уѣздѣ, владѣльца шестидесяти душъ. О прочихъ я не слыхалъ.

десятинъ пахотной и сѣнокосной земли, по нѣскольку сотъ коннаго и рогатаго скота; а у казаковъ, на Китайской границѣ, считается его тысячами.

— По такому богатству, вѣроятно, тамъ очень дешевы соболи?

— Они, напротивъ, довольно цѣнны — и напрасно думаютъ, что можно приобрести эти вещи въ Сибири за ничто. Дѣло другое, въ прежнюю пору, т. е. при постепенномъ завоеваніи края. Тогда находилось такое множество соболей, лисицъ и другаго звѣря, самыхъ высокихъ сортовъ, что туземцы щеголяли въ собольихъ тулупахъ, разумѣется, ни чѣмъ не крытыхъ, употребляя ихъ вмѣсто простыхъ, потому, что для дикарей было все равно, по незнанію истинной цѣны, носить ли шубу изъ соболей и черныхъ лисицъ, составляющихъ теперь предметъ утонченной роскоши и изысканности въ обѣихъ полушаріяхъ, или даху ⁽²⁵⁾ изъ оленей, лишь бы теплую. Мнѣ кажется, звѣроловы не столько обращали вниманіе на дорогія шкуры звѣрей, какъ на мясо, употребляя его, статья можетъ, на жаркое.

Младшая дочь арендатора лукаво улыбнулась и примѣтила, что никакъ не думаетъ, чтобы соболиное мясо было вкуснѣе обыкновеннаго.

---

(25) Шуба, въ верхъ шерстью.

— Кто знаетъ! бываютъ разные вкусы даже у людей образованныхъ: Римляне любили жаркое животныхъ, на которыхъ ѣздить въ Камчаткѣ, и оно составляло непременное блюдо при торжествѣ вступленія въ должность новыхъ жрецовъ — какъ говорить преданіе; Китайцы лакомятся откормленнымъ щенкомъ подъ соусомъ изъ особеннаго рода масла; Малороссіяне страстные охотники до жиру. О не образованныхъ нечего и говорить: Самоѣды не дотропнутся до рыбы, если не замѣтятъ въ ней дѣйствіе гніенія; захочете угостить Эскимоса, такъ попотчуйте его кускомъ согниваго кита; Лампандцы роскошничаютъ за блюдомъ мха; дикія племена по берегамъ Ореноко употребляютъ въ пищу шарики изъ жирной, горшечной глины; Австраліицы не нахвалятся хорошо свареною лисицею; Якуты ѣдятъ зимою сырую стерлядь, подъ именемъ строганины, нарѣзывая ее тоненькими ломтиками и посыная солью и перцемъ; Персіане любятъ слоновой хоботъ и испытавъ высшую степень гастрономическаго блаженства, не рѣдко отправляются на тотъ свѣтъ — отъ несваренія въ желудкѣ.

— Вѣдь Сибирь завоевана лѣтъ за триста? — спросилъ меня хозяинъ.

— Въ XVI столѣтіи, при Юаннѣ III. «Ермакъ» былъ завоевателемъ Западной Сибири, а въ послѣдствіи и Восточная поступила въ наши вла-

дѣнія. Какъ въ самой вещи, не благодарить Ермака за его подвигъ, въ передачѣ богатой Сибири, имъ завоеванной, Царю Московскому! Потомство оцѣнило его — и теперь на высотахъ Тобольска, нѣкогда столицы «Кучумовой», красуется памятникъ великаго человѣка. Якутская область до нынѣ можетъ назваться соболинымъ краемъ и это сей-часъ оправдается. Казаки — завоеватели, въ знакъ вѣрнопопданническаго усердія, отправляютъ изъ Якутска дань изъ мягкой рухляди къ Царю Алексѣю Михайловичу, столь драгоценную по количеству и своему достоинству, что она изумляетъ весь дворъ. Можно судить послѣ этого о числительной силѣ звѣрей тогдашняго времени! Въ теперешнее же, стало замѣтно постепенное уменьшеніе звѣринныхъ промысловъ, съ распространеніемъ населенности края, истребленія лѣсовъ и отъ другихъ причинъ, не меньше важныхъ (26).

— Я догадываюсь, что и чай не можетъ быть очень дешевъ въ Сибири?

— Правда ваша. Скажу вамъ, что цѣна чаю въ Москвѣ и Иркутскѣ, почти одна и таже. Это покажется страннымъ для не посвященнаго въ таинства чайной торговли, и другой, пожалуй, спро-

---

(26) Это можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія объ-
емовъ звѣрей въ Якутской области.

силь: для чего бы жителямъ Иркутской Губерніи, сопредѣльной съ поднебесьемъ, принимать на себя проценты при доставленіи чая въ Москву за

	1825.	1826.	1827.	1828.	1829	1830.	Всего.
Соболей всехъ сортовъ	18т.	15т.	12т.	10т.	7т.	6т.	68 т.
Лисицъ красныхъ, чернобурыхъ и черныхъ . .	14т.	13т.	12т.	11т.	9т.	7т.	66 т.
Песцовъ простыхъ и голубыхъ. . .	19т.	15т.	12т.	11т.	10т.	9т.	76 т.
Горностаевъ. . .	25т.	19т.	18т.	18т.	18т.	18т.	116 т.
Бѣлки. . . .	455т.	425т.	400т.	360т.	339т.	332т.	2311 т.
	531т.	487т.	454т.	410т.	383т.	372т.	2,637т.

Кромь того кабарговой струи, или мускусу 15т. 14т. 14т. 12т. 10т. 8т. 73 т.

По приблизительной оцѣнкѣ, можно опредѣлить уловъ 1825 г. въ 2 миліона р. сер. Сколько же было звѣря до эпохи завоеванія страны?

Въ 1829, промѣнено Китайцамъ мягкой рухляди: соболей 7 т., десять лѣтъ спустя—меньше тысячи; бѣлки въ 1829 г. $4\frac{1}{2}$ мил., въ 1839— $3\frac{1}{2}$ мил., горностаевъ 125 т. и 92 т. Уменьшеніе послѣднихъ звѣрковъ, является не столь рѣзкимъ: это надо приписать необыкновенной ихъ плодливости (бѣлка самъ-сорокъ въ теченіи года) и если бы не трогать ее только три или четыре года, то числительная сила была бы изумительна. По всей же Сибири добывается бѣлки до 20 миліоновъ шкуръ ежегодно и значительная изъ этого часть прідетъ на Забайкалье.

шесть тысяч версть? Видите, въ чемъ дѣло: чай покупается посредствомъ мѣны оптомъ, въ большихъ массахъ, по предварительной разцѣнкѣ нашихъ произведеній со стороны компаніоновъ, и отъ того эти вещи въ Россіи не дороже противъ Сибири. На прим. бобра вы купите въ Москвѣ дешевле, чѣмъ въ Иркутскѣ.

— Я все интересуюсь о ѣздѣ на собакахъ, дополнила старшая дѣвушка. Дайте намъ, Бога ради, объ этомъ настоящее понятіе и напередъ скажите, за чѣмъ не употребляютъ лошадей?

— Потому, что это вещь чисто не возможная: собаки не замѣнимы ни къмъ, по свойству и характеру страны. Вы догадываетесь, что рѣчь идетъ о неизмѣримости мѣстъ и ненаселенности края. Отъ Риги до Митавы нѣтъ и сорока версть, а на Сѣверѣ Сибири инныя станціи по двѣсти и триста версть. Въ пустыняхъ лежитъ снѣгъ, глубиною въ сажень; какъ же вы поѣдете на лошадяхъ? Вѣдь онѣ стануть проваливаться? А собаки, хотя бы и самыя дюжія, запряженныя въ легонькія сани, подъ названіемъ «нартъ», бѣгутъ себѣ, не встрѣчая на пути препятствій.

— Но какъ не естественно сдѣлать двѣсти и болѣе версть въ теченіи зимняго дня, то гдѣ же проѣзжіе останавливаются?

— Къ ночи дѣлается привалъ въ пустынь, покрытой необозримымъ бѣлымъ саваномъ, гдѣ слу-

чится кому; по прибытіи разгребаются груды снѣгу до самой земли, потомъ разкладывается огонь изъ привозимаго съ собою хвороста, для приготовленія походнаго ужина и предохраненія отъ стужи — и ночь проводятъ путники подъ открытымъ небомъ; съ разсвѣтомъ же отправляются далѣе; не думайте, чтобъ заблудились вѣрныя и послушныя собаки, эти неизмѣнныя друзья челоуѣка: они доставятъ васъ какъ бы инстинктивно туда, куда вамъ надобно. Лишнее замѣчатъ здѣсь, что проѣзжающіе вооружаютъ себя самою теплою одеждою, надѣвая сверхъ шубы «даху», на голову «чебѣкъ», шапку съ ушами изъ лисьихъ лапъ, а на ноги «унты», родъ сапоговъ изъ оленьихъ шкуръ, безъ поднаряду и подошвы.

— Чѣмъ же кормятъ дорогою этихъ полезныхъ животныхъ?

— Сушеною рыбою, которою запасаются вдоволь, на всякой случай, какъ и другими принадлежностями. О хлѣбѣ нечего и говорить: имъ кормить собакъ слишкомъ нечестисто ⁽²⁷⁾, а су-

---

(27) Въ Охотскѣ и Камчаткѣ хлѣбъ плохо родится: тамъ лѣто короткое; по этому онъ доставляется туда для продовольствія жителей изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ и, разумѣется, стоитъ весьма дорого. Въ Камчаткѣ учреждена Земледѣльческая компанія, но результаты дѣйствій ея по разведенію хлѣбопашества, не совсѣмъ благопріятны.

шеная рыба, по большому ея обилію, не имѣетъ цѣны. Между тѣмъ она служитъ пищею и проезжающимъ, не забывающимъ запастись ароматной травой, называемою чаемъ, также ромомъ, составляющими для путника истинную драгоценность. Камчадалы очень пристрастны къ горячимъ напиткамъ до того, что подл-часъ готовы отдать лучшаго соболя за бутылку сивухи, но правительство принимаетъ мѣры о не ввозѣ въ жилища ихъ этихъ вещей.

— По сколько употребляется собакъ въ однѣ сани или, какъ вы ихъ называете, въ однѣ нарты?

— Всегда не четное число: или пять или семь, смотря по числу пассажировъ и багажа; двѣ попарно, а послѣдняя изъ самыхъ смышленныхъ, служитъ какъ бы проводникомъ. Къ бѣгу попускаютъ собакъ крикомъ, но въ случаѣ усталости, они останавливаются, ложатся на снѣгъ и отдыхаютъ, высунувъ языкъ. Тогда ихъ кормятъ.

— Не встрѣчается ли въ пути какой опасности?

— Въ старину иногда случалось, и то въ лѣтнее время, при обыкновенной верховой на лошадяхъ ѣздѣ (28), когда, бывало, по Охотскому

---

(28) По неустроенію тележной дороги, путешествія совершаются верховомъ. Лошади удивительно сносливы и къ такой дорогѣ привычны. Надобно удивляться терпѣнію почта-

тракту останавливали путешественниковъ и почтальоновъ, отправляющихся въ сопровожденіи надежныхъ проводниковъ, недоброхотные жители дебрей и лѣсовъ непроходимыхъ — косолапые медвѣди, не для того, чтобъ сдѣлать ѣздокамъ какой либо вредъ, а для того, чтобъ воспользоваться частію изъ сѣстнова, въ чемъ и не отказываютъ голоднымъ животнымъ. Послѣ того они оставляютъ проѣзжихъ въ покоѣ, удаляются въ свои берлоги, не дотронувшись до почтовой корреспонденціи, при которой пересылаются и деньги. Это похвальная черта въ «Гоптыгинѣ» ⁽²⁹⁾; одно только не хорошо въ немъ: онъ истребляетъ очень часто ловушки на соболей и бѣлокъ, и пускай бы пользовался однимъ мясомъ, а то пожираетъ звѣрковъ вмѣстѣ со шкурою.

Всѣ слушатели захохотали и опять превратились во вниманіе, а межъ тѣмъ, въ слѣдствіе разнесшейся въ околodкѣ молвы, что какой-то

ліоновъ и нарочныхъ изъ городскихъ казаковъ, при быстрой ѣздѣ чрезъ высочайшіе хребты горъ и мѣста, едва проходимыя: пространство въ тысячу верстъ, дѣлается ими меньше, чѣмъ въ неделю. Лошади перемѣняются на станціяхъ чрезъ 25—35 верстъ. По Охотскому тракту ѣздить верхомъ и на оленяхъ.

(29) Это прозвище медвѣди, съ незапамятныхъ временъ ему данное звѣропромышленниками.

путешественникъ повѣствуетъ о Сибири, входятъ къ намъ двое сосѣднихъ дворянъ и каждый изъ нихъ наперерывъ сталъ меня засыпать своими вопросами.

— Да какъ вы все это знаете? спросилъ меня одинъ изъ послѣднихъ.

— Не мудрено знать, когда я сынъ далекаго Иркутска, много путешествовалъ по Сибири, былъ въ Якутскѣ, Нерчинскѣ, въ Китайской Монголіи, посѣтилъ мѣста, мрачныя и пустынные, чтобы войти, по порученію Начальства, въ положеніе таможенныхъ жителей—и смотря на всѣ вещи любопытными глазами, вѣлъ свои записки.

— Отъ чего не издадите вы ихъ въ свѣтъ?

— Это я думаю. Сочиненіе мое, обнявъ малоизвѣстную страну въ разныхъ отношеніяхъ, будетъ носить названіе: «Очеркъ Сибири». Мнѣ случилось быть въ тридцати девяти Губерніяхъ. Другими словами—изъ всѣхъ Губерній и Областей нашей Имперіи, я не былъ только въ семнадцати ⁽³⁰⁾.

— Это порядочное путешествіе, нечего сказать! Желалъ бы знать теперь, сколько миль или

---

(30) Архангельской, Виленской, Вологодской, Гродненской, Дербенской, Ковенской, Кутанской, Камчатской, Олонецкой, Оренбургской, Подольской, Смоленской, Тифлисской, Таврической, Херсонской, Шемаханской и Бессарабской Области.

сколько верстъ, сдѣлали вы приблизительно въ теченіе своей жизни ?

— Никакъ не менѣе ста тысячъ верстъ, исключая путешествія водою.

— Да это не менѣе окружности земнаго шара?

— Помилуйте, больше, чѣмъ вдвое; вѣдь окружность нашей планеты, полагають географы въ 40 тысячъ верстъ.

— Сдѣлать сто тысячъ верстъ по Европейскому матеріку, по этой сѣти желѣзныхъ дорогъ, еще не очень много, но совершить такое путешествіе по Сибири, гдѣ на каждомъ шагу надо сражаться то съ невыносимыми морозами, отчасти погубившими—украдкою молвить, великую армію Наполеона, то съ другими препятствіями, составляетъ уже подвигъ — въ глазахъ моихъ. Вы, конечно, путешествовали на счетъ Правительства ?

— Не всегда: приблизительно десятая часть пути сдѣлана на собственной счетъ—и я рѣшился на это изъ одной любознательности, не смотря на слабыя свои средства.

— Повѣдайте объ этомъ за границую: вамъ или не повѣрятъ на-слово, или утвердятся въ мысли, что это дивное самопожертвованіе на пользу науки. Позвольте еще спросить васъ: часто ли ходитъ почта въ Сибири и въ какой срокъ получаютъ письма, на примѣръ, изъ Петербурга въ Иркутскъ ?

— Въ Россію два раза въ недѣлю; изъ Иркутска: въ Якутскъ дважды въ мѣсяцъ, въ Охотскъ разъ въ мѣсяцъ; а въ Камчатку два раза въ годъ; слѣдовательно отвѣтъ на ваше письмо, адресованное въ послѣднюю изъ Иркутска, раньше года получить не возможно, и жители Камчатки позже всѣхъ знакомятся съ пропознествіями бурнаго свѣта. Почта, отправленная изъ Иркутска въ Петербургъ, достигаетъ столицы въ тридцать двой суток, если не встрѣтится распутицы; а за пол-вѣка и далѣе, когда почтовая часть и пути сообщенія, не были доведены до теперешняго устройства, въ два мѣсяца. Нарочные же дѣлають эти шесть тысячъ верстъ въ восемнадцать сутокъ.

— Давно вы оставили вашу родину?

— Въ 1841 году.

— Фамилія ваша нѣмецкая; какъ же вы попали въ Иркутскъ?

— Очень просто: батюшка мой родился на берегахъ Рейна, въ Лейпцигскомъ Университетѣ кончилъ свое образованіе и выпущенъ Докторомъ Философій. Въ вѣкъ Екатерины онъ прибылъ въ Москву, приглашенный для воспитанія дѣтей однимъ изъ тогдашнихъ вельможъ первопрестольной столицы; чрезъ пять-шесть лѣтъ его опредѣляютъ, по желанію, въ Иркутскъ Дивизіоннымъ проповѣдникомъ Лютеранскаго прихода; тамъ пробылъ болѣе тридцати лѣтъ, потомъ переведенъ въ Во-

льнь, гдѣ и похоронилъ кости свои, не успѣвъ побывать въ родной Германіи. Всей службы его было пол-столѣтія.

— А гдѣ родилась ваша матушка?

— Въ десяти верстахъ отсюда.

— Вы шутите.

— Нисколько: Митава ея отечество.

— Подумаешь, какъ играетъ судьба человѣками, забрасывая сына прекрасной Германіи, изъ этого эльдорадо, въ глубь Сибири, чуть-чуть не на другое полушаріе! Шутка ли, провести въ этой странѣ, да и въ тогдашнее еще время, лучшіе годы жизни своей, вдали отъ родины, отъ образованнаго міра—и жить тамъ, гдѣ нѣтъ цѣнителей высокаго и изящнаго!

— Правда ваша: будущее извѣстно одному Богу. Впрочемъ, покойной батюшка мой, какъ ревностный служитель алтара, всегда гордился и утѣшался мыслию, что могъ доставить возможное утѣшеніе заблудшимъ, но не совсѣмъ отпадшимъ сынамъ религіи, разумья людей, завлеченныхъ въ Сибирь силою закона—и ему не хотѣлось покидать до самаго гроба обязанности служителя церкви, не смотря на глубокую старость свою. Онъ ничего не оставилъ дѣтямъ въ наслѣдство, кромѣ высокихъ добродѣтелей.

— Какого уваженія достоинъ такой человѣкъ въ глазахъ истинныхъ цѣнителей!

За тѣмъ спросилъ меня любопытный хозяинъ, не имѣю ли я въ Митавѣ родственниковъ?

— Мнѣ хотѣлось было отыскать ихъ, но послѣдствіе не оправдало моего ожиданія. Слушайте, я вамъ расскажу. Дѣдъ мой по матери Шермахеръ, находился учителемъ Митавской Гимназіи и тамъ померъ—этому много лѣтъ. О родственникахъ я не слыхалъ отъ моей матушки, умершей въ Иркутскѣ, лѣтъ за тридцать, но все могъ предполагать, что отыщу кого нибудь хоть изъ самыхъ дальнихъ, чрезъ распросы людей. Это было бы тѣмъ для меня интереснѣе, что лишень всякой возможности повидаться съ родными по отцѣ, живущими въ Германіи, отъ которыхъ имѣлъ однако же письма, адресованныя оттуда въ Иркутскъ.

— А въ какое время достигли они рукъ вашихъ?—прервала меня одна изъ дочерей арендателя.

— Черезъ три мѣсяца, кажется.

— « На вопросъ мой о фамиліи Шермахеръ, жители Митавскіе и самой Пасторъ, отвѣчали отрицательно. Впрочемъ одинъ изъ первыхъ объявилъ мнѣ, что есть у нихъ какой-то Беккеръ. — Да кто онъ такой? — Чиновникъ, служить тамъ-то. — А живетъ? — На такой-то улицѣ, въ собственномъ домѣ. — Я беру извозчика, ѣду къ Беккеру и узнаю отъ него, что онъ родомъ изъ

Пруссіи и потому мнѣ никакъ не лзя было признать его за родственника. Оставалось посѣтить ниву Божию (31), за городомъ, въ надеждѣ найти памятникъ покойнаго моего дѣда или слѣды памятника, чтобы поклониться его праху въ бытность мою въ Курляндіи, по всей вѣроятности послѣднюю; но надгробнаго памятника не отыскано, а другіе были только-что обсажены свѣжими цвѣтами, всюду разносившими свое благоуханіе.

— Скажите-ка намъ теперь хотя о рѣкахъ, въ Сибири протекающихъ. Рыбы въ нихъ, мы воображаемъ, вдоволь и она тамъ ни по-чемъ?

— «Лена» и «Ангарà» считаются — какъ извѣстно, величайшими рѣками въ мірѣ и послѣдняя имѣетъ замѣчательный характеръ, выступая изъ береговъ своихъ не при вскрытіи ото льда, а во время замерзанія. Эти рѣки и множество другихъ, больше или меньше значительныхъ, изобилуютъ самую вкусною рыбою, а озеро Байкаль въ особенности. Осетра, вѣсомъ въ пудъ, вы купите на мѣстѣ промысла за цѣлковый, и примѣтите, что рыболовы каждой почти день готовятъ для себя пирогъ изъ этой и разной другой рыбы. Хороша и нельмà, ловимая въ Ленѣ.

---

(31) Нѣмецкое выраженіе: они называютъ кладбище *Gottesacker*.

— Хотѣлось бы намъ знать еще о народахъ, вашу страну населяющихъ, и вы, вѣрно, будете такъ добры, что удовлетворите наше любопытство?

— Очень радъ, хотя по правдѣ сказать, мнѣ пора бы спѣшить далѣе.—Эти народы, номенклатуру которыхъ вы знаете изъ Географіи, различны между собою по характеру, вѣрѣ и обычаямъ. Тунгусы и « Буряты » самое населенное племя—тысячъ полтараста : это обломки Чингисхановой рати и происходятъ отъ Монголовъ. Они не Магометане, а язычники—поклонники « шаманства » и ученія « Шигемуніева. » Последніе, какъ болѣе образованные, имѣютъ у себя молитвенные дома, называемыя кумирными или дацанами. « Кутухта » — это высшая духовная особа, пребывающая въ Тибетѣ ; « Хамба-Ламѣ Первосвященникъ, живущій за Байкаломъ и пользующійся безграничнымъ уваженіемъ многочисленнаго Бурятскаго племени ; « Ламы » суть простыя жрецы. Всѣ они ведутъ безбрачную жизнь. При этомъ случаѣ кстати замѣтить, что нѣкоторые изъ Ламъ, не посвященныхъ въ таинства медицинской науки, удачно пользуются одержимыхъ разными не излѣчимыми болѣзнями : къ нимъ не рѣдко обращаются о пособіи и Русскіе изъ гражданъ города. Лекарства отъ щедротъ благотѣльной природы, состоятъ главнѣйше изъ травъ и кореньевъ. Встрѣчаются, правда, между этими

эскуланами и порядочные шарлатаны, прикрывающіе свое невѣжество обманомъ, но такіе люди не много имѣютъ практики.

— Отъ чего же дозволено подавать медицинскія пособія людямъ, не имѣющимъ ни познаній, ни права?

— Отъ того, что средства ихъ, дознанныя на опытѣ, слишкомъ безвинны. Въ Нерчинскѣ находится гражданинъ, человѣкъ, достойный уваженія, посвятившій себя для пользы общества на изученіе Даурской флоры, столь богатой и разнообразной—какъ я говорилъ уже, и составя подробное описаніе всѣмъ растеніямъ, съ подраздѣленіемъ лекарственныхъ, употребляющихся отъ такой-то болѣзни, публиковалъ объ этомъ въ вѣдомостяхъ. вмѣстѣ съ этимъ онъ изъявлялъ готовность доставлять чрезъ почту за ничтожную плату сѣмена этихъ растений и кореня, если бы кто вздумалъ выписать ихъ изъ Нерчинска. Однажды обращается житель Дауріи съ вопросомъ къ ученымъ знаменитостямъ въ медицинскомъ отношеніи—обѣихъ нашихъ столицъ, отъ чего Гг. Доктора не обратятъ вниманія на травы и кореня стороны забайкальской, такъ удачно изцѣляющія застарѣлыя болѣзни, при употребленіи самыхъ простыхъ средствъ?

— Что же вышло изъ этого?

— Право, не знаю.—Я повѣдаю вамъ, пожа-

луй, кое-что и о другихъ Сибирякахъ. Въ нѣ-
 которыхъ изъ нихъ проявляется сильный, могу-
 чій характеръ, стремленіе на пользу добра и
 глубокая преданность къ вѣрѣ и Государю: одинъ
 изъ Иркутскихъ купцовъ-золотопромышленниковъ
 жертвуетъ на пользу края, въ теченіи не многихъ
 лѣтъ до двухъ милліоновъ рублей сер. ⁽³³⁾; мир-
 ный, старый поселянинъ ѣдетъ нарочито изъ
 своей деревни, близъ Иркутска, въ Петербургъ,
 чтобы стать лицомъ къ лицу, чтобы взглянуть на
 обожаемаго Государя, котораго видѣлъ дотолѣ
 въ однѣхъ изображеніяхъ; потомъ рѣшается на
 тоже самое: бѣдный казакъ съ Китайской грани-
 цы, находящійся въ отставкѣ: покидая на произ-
 воль Бога жену и дѣтей своихъ, онъ отпра-

---

(33) Въ томъ числѣ полмилліона сер. на постройку въ
 Иркутскѣ кафедральнаго Собора, учебныхъ и благотвори-
 тельныхъ заведеній. Этотъ почтенный, престарѣлый патри-
 отъ является лицомъ очень замѣчательнымъ: происходя изъ
 крестьянъ Тобольской губерніи и начавъ не завидное свое
 поприще со званія Волостнаго писаря и повѣреннаго пи-
 тейныхъ сборовъ, онъ былъ уже въ десятихъ годахъ откуп-
 щикомъ въ Иркутской губерніи, пользовался особеннымъ
 уваженіемъ по его природному уму, добротѣ души и образу
 жизни; потомъ служилъ Градскимъ Главою нѣсколько разъ,
 не много разстроился въ дѣлахъ своихъ отъ непостоянства
 счастья и хотѣлъ испытать его по золотымъ промысламъ.
 Оно ему улыбнулось и Е. А. К. получалъ баснословный
 доходъ чуть—по сту пудовъ золота ежегодно.

ляется изъ своей родины пѣшкомъ , за семь тысячъ верстъ, чтобъ насладиться лицезрѣніемъ возлюбленнаго Монарха и Его Царственнаго Семейства; примѣру казака слѣдуетъ столѣтній старецъ: онъ хочетъ удостоиться счастья лично благодарить Императора за освобожденіе изъ ссылки, которая продолжалась пятьдесятъ лѣтъ; наконецъ высказываетъ свое патріотическое усердіе честный, трудолюбивый земледѣлецъ, въ угощеніи на свой счетъ обѣдомъ въ Иркутскомъ публичномъ саду нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ войска, по случаю пожалованныхъ ему знаменъ.

— Мы воображаемъ , какъ всѣ эти лица награждены ?

— Разумѣется, по-Царски (55).

(33) *Первый* получилъ за его подвигъ не въ примѣръ другимъ, чинъ Статскаго Совѣтника и Орденъ св. Владимира 3-й степени; *второй* награжденъ серебряными, вызолоченными подсвѣчниками , чтобъ онъ стояли предъ образомъ Спасителя ; *третьему* выдается значительное денежное награжденіе, кромѣ разныхъ подарковъ и Евангелія, для вклада въ приходскую церковь на родинѣ его; *четвертому* возвращается чинъ Капитана того полка, въ которомъ служилъ этотъ ветеранъ въ вѣкъ Екатерины II, и всѣ знаки отличія, сверхъ денежной награды и пенсіи. Ему не довелось побывать на родинѣ своей, Украинѣ : онъ умеръ въ Петрополь вскорѣ послѣ Монаршихъ милостей, искупленныхъ полувѣковыми страданіями, безъ малѣйшей вины,

— Очень благодарны вамъ за эти интересные рассказы, но не мѣшало бы знать теперь, на какомъ языкѣ отправляются язычниками ихъ религиозные обряды?

— На Тибетскомъ. Нѣкоторые изъ духовныхъ знаютъ Тибетской языкъ и для этого выписываются изъ резиденціи «Кутухты» священныя книги, съ большими пожертвованіями. Вообще Буряты добры, гостепріимны и ведутъ мирную, патріархальную жизнь: жаль только, что не образованные, до-нынѣ тонуть въ предрасудкахъ.

У нихъ существуетъ варварское обыкновение покидать юрту, т. е. жилище, въ такомъ случаѣ, если кто изъ ихъ собратій сдѣлается тяжело боленъ, потому, что Буряты боятся покойниковъ. Истину сію я утверждаю, какъ очевидецъ. Однажды—это было зимою 1834 г., возвращаюсь я изъ одной деревушки (Карамы), далеко въ сторону отъ тракта Якутскаго, въ Иркутскомъ округѣ; на пути останавливаюсь, чтобы хоть не много обогрѣться въ уединенной юртѣ, потому, что морозъ доходилъ до пес plus ultra и вижу тамъ Бурятку въ болѣзненномъ положеніи; скудная одежда едва защищала дочь природы отъ нестерпимой стужи, слабый огонекъ погасалъ въ

ибо ссылка въ Иркутскъ послѣдовала несправедливо. *Последній* награжденъ золотою медалью на Владимірской лентѣ.

юртѣ; чрезмѣрная слабость старухи, лежавшей на смертномъ одрѣ, при послѣднемъ издыханіи, лишила ее силъ даже подняться съ мѣста, чтобы подложить хворосту — а въ жилищѣ смерти не было ни души. Я приказываю тотчасъ развести огня въ юртѣ, натаскать туда побольше сухаго хворосту и отдалъ несчастной женщинѣ, обреченной на вѣрную смерть, почти всё, что было у меня изъ дорожныхъ припасовъ.

— Ахъ! какія вы добрые! — молвила меньшая дочь мызника.

— Передамъ вамъ, въ заключеніе, о Тунгусахъ. Слыхали ли вы объ нихъ? Это единственный народъ въ Сибири, ведущій бродячую жизнь — въ полномъ значеніи этого слова. Они скитаются отдѣльно отъ своихъ семействъ въ обширныхъ, не измѣримыхъ пустыняхъ. Артели ихъ состоятъ изъ пяти и болѣе человекъ. Тунгусамъ извѣстно каждое «урочище» (34), каждой хребетъ, каждая рѣчка, точно такъ, какъ намъ городскія улицы и дома. Предъ своимъ походомъ, взваливъ себѣ на плечи «винтовку» (35), дикарь наказываетъ женѣ своей, чтобъ явилась на такое-то мѣсто,

---

(34) Извѣстный пунктъ, гдѣ дѣлается зѣвроловами приваль — и это всегда у хребта или у рѣчки.

(35) Длинное ружье, употребляемое при встрѣчѣ съ медвѣдями.

къ такому-то времени, со всѣмъ домашнимъ скарбомъ и семействомъ. Вотъ она отправляется, несетъ съ собою берестяную юрту и закинувъ на плеча «турсукъ»⁽³⁶⁾ съ груднымъ младенцемъ⁽³⁷⁾, преспокойно спѣшитъ туда, куда велѣно, и не думайте, чтобъ она заблудилась. Если Тунгусъ и семейство его, съѣдятъ убитаго звѣря, то первый идетъ далѣе, а семья отправляется по слѣдамъ его съ подвижнымъ домомъ. Впрочемъ Тунгусы, вмѣсто десерта, лакомятся сараною и другими кореньями, извлекаемыми изъ земли, также ягодами и кедровыми орѣхами, встрѣчаемыми во множествѣ. Много ли, подумаешь, нужно человѣку, чтобъ продлить свое существованіе! Помышляетъ ли сынъ общей матери природы о богатствѣ, этихъ призракахъ славы и чести, наконецъ о завтрашнемъ днѣ? Не знакомый съ роскошью и изобиліемъ, онъ съѣдаетъ послѣдній кусокъ хлѣба со всегдашнею веселостію, дѣлясь имъ дружелюбно съ каждымъ пришельцемъ. О важныхъ преступленіяхъ не слыш-

---

(36) Коробъ изъ бересты.

(37) Въ минуту рожденія этого несчастнаго созданія, разумѣется, гдѣ случится, мать погружаетъ его въ снѣгъ—если это зною, чтобъ дитя заблаговременно привыкло ко всѣмъ переменамъ атмосферы и не знало простуды. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого, Тунгуска отправляется въ дальнѣйшій путь, какъ ни въ чемъ не бывало.

но между Тунгусами, да они и рѣдко отдають себя на судъ установленныхъ властей въ винахъ малозначительныхъ, а предоставляютъ рѣшенію своихъ старшинъ, очищаютъ себя клятвою или единоборствомъ. Между тѣмъ трудно отыскать въ цѣлой вселенной созданій человѣческихъ, которыя бы обрекали себя добровольно на всѣ возможные лишенія и бѣдствія. Ихъ жизнь—это непрестанная борьба то со звѣрями хищными, то со стихіями (58), посреди хладныхъ пустынь, и отъ трескучихъ морозовъ они себя защищаютъ одними лишь берестяными юртами. Скитаясь такимъ образомъ по лѣсамъ и пустынямъ, Тунгусы съ величайшею точностію собираются къ извѣстному времени, въ опредѣленный пунктъ, для взноса ясаку (59) и снабженія себя необходимыми для звѣроловства потребностями. А по правдѣ сказать, они могли бы и не явиться. Гдѣ прикажете ихъ отыскивать?

— Да, въ этомъ племени много оригинально-

---

(38) Числительная сила Тунгусскаго племени, постепенно уменьшается, но со всѣмъ тѣмъ нѣкоторые Тунгусы доживаютъ до ста лѣтъ. Но не утѣшительна такая долгая, страдальческая жизнь!

(39) Эта подать мягкою рухлядью, т. е. соболями, песцами, лисицами и бѣлкою, въ установленной Ясачною Коммисіею пропорціи. Для взысканія этого ясаку, отряжаются на урочища отъ земскихъ судовъ его члены.

сти и мы объ немъ никогда ничего еще не слышали. Вы намъ много рассказали о Сибири; но мы все желали бы знать, хорошъ ли климатъ въ Сибири и каковъ городъ, гдѣ вы родились?

— Вдругъ два вопроса? Это очень мило! На *первый* отвѣчу: совершенно здоровый, какъ и въ другихъ Сѣверныхъ губерніяхъ: это доказывается статистическими данными: изъ 39-ти чело-вѣкъ умираетъ только одинъ, какъ между тѣмъ въ Россіи среднимъ числомъ какъ 1 къ 29-ти. Самыя благопріятныя явленія въ губерніи Томской (1 къ 45). На *второй*, что Иркутскъ одинъ изъ лучшихъ городовъ Сибири и что жить тамъ очень, очень не скучно. Вы найдете въ этомъ городѣ прекрасныя зданія, между которыми стоитъ на первомъ планѣ занимаемое Генера-ль-Губернаторомъ: его можно назвать двор-цомъ по архитектурѣ и изяществу, и замѣчу, что оно не множко покрасивѣе вашего Митавскаго замка, хотя далеко не такъ обширно, какъ пер-вое; широкія, прямыя улицы обставлены тротуа-рами, содержатся въ чистотѣ, каменнаго строе-нія вообще не много, но деревянные дома по-строены со вкусомъ. Тамошніе негоціанты про-изводятъ обширную торговлю на Кяхтѣ, гдѣ слу-чалось мнѣ бывать не одинъ разъ, равно и за чертою Китайской границы. Да что много гово-рить о столицѣ Восточной Сибири: живутъ весь-

ма не дурно въ самомъ Нерчинскѣ и главномъ заводѣ этого названія ⁽⁴⁰⁾, куда ссылаются преступники по первой категоріи. Эти мѣста заброшены такъ далеко отъ центра Имперіи, съ именами ихъ соединяется такое невыгодное понятіе, что живущимъ въ Россіи не хочется и упоминать объ нихъ. Не правду ли я говорю? -- На заводахъ служатъ горные Инженеры, люди образованные; вы встрѣтите тамъ и умныхъ гражданъ, съ которыми не скучно провести время; тамъ присутствуетъ простота, радушіе, милая тишина, чуждая мелкихъ интригъ, такъ обыкновенныхъ въ провинціи. Я зналъ въ главномъ Нерчинскомъ заводѣ Аптекаря, Саксонца, который рѣшился изъ одной любознательности посѣтить отдаленный край и по пробывтіи трехъ-четырехъ лѣтъ, возвратиться въ Петербургъ, однакожь онъ живетъ въ Сибири кажется, и до-нынѣ, пользуясь уваженіемъ, любовію, какъ человѣкъ образованный и добрый. Хорошо житье, — по словамъ моихъ знакомыхъ, и въ Барнауль, центрѣ заводовъ хребта Алтайскаго.

— Вы, конечно, имѣли въ Иркутскѣ собственный домъ?

— Для этого не нужно большаго капитала. Дома въ Сибири дешевы, особенно въ Тоболь-

---

(40) Нерчинскій заводъ отъ Петербурга 7350 версть.

скѣ: за триста-пятьсотъ цѣлковыхъ можно пріобрѣсти такой домикъ, за который въ Митавѣ вѣрно дали бы полторы тысячи. За эту последнюю цѣну продалъ я и свой домъ, приносящій доходу 100—25 р. сер.—а въ немъ было восемь комнатъ, со всѣми службами и премиленькимъ садомъ.

— Мы, право, не думали, чтобъ все это было такъ, какъ вы рассказываете.

— Послушайте, какая была дешевизна въ губерніи Енисейской по ея основаніи въ 1822 году: пудъ ржаной муки продавался 5—7 коп., овесъ 6 к., возъ сѣна 30 к., такая же цѣна за сажень однополѣнныхъ березовыхъ дровъ; мясо 25—30 к. сер. за пудъ. Добраго рабочаго коня можно было купить за 8 руб. сер. Годовая плата работнику 10 р. Но какая переменъ послѣдовала чрезъ десять лѣтъ? Всѣ это удешевилось—по милости золота: понадобилось множество рукъ и золотопромышленники давали работникамъ изъ крестьянъ и ссылочныхъ не слыханную дотолѣ плату (по пятидесяти р. сер. въ лѣто), чтобъ только каждому захватить ихъ побольше. Земледѣліе упало, появилась роскошь, и цѣнность, вышедъ изъ нормы, разлилась на другіе предметы. Теперь же стало всё гораздо дешевле сколько отъ благоразумныхъ распоряженій главнаго начальства Сибири, столько отъ увеличенія

взноса денегъ въ казну за право золотопромышленности.

— Вы передаете намъ то , что мы ни отъ кого не слышали, — позвольте васъ благодарить за ваши рассказы и спросить въ заключеніе , что завлекло васъ въ наши провинціи ?

— Одно любопытство — ни больше, ни меньше. Мнѣ хотѣлось окинуть бѣглымъ взоромъ Русскую Германію , по невозможности быть въ настоящей; да, вы — кажется, замѣтили непремѣнное желаніе мое — найти въ Митавѣ родственниковъ.

Послѣ того простился я съ добрыми Нѣмцами, возвратился въ Митаву , потомъ въ Ригу и вотъ останавливаюсь въ гостинницѣ. Завтракать еще рано; въ раздумьи хожу я по комнатѣ, но отверстіе, сдѣланное въ двери, съ толстымъ стекломъ и подвижнымъ клапаномъ, въ родѣ заслонки, развлекло меня. Что бы это значило ? разсуждалъ я самъ съ собою, и почему нѣтъ подобныхъ вещей въ другихъ гостинницахъ при-Балтійскихъ губерній ? Черезъ нѣсколько минутъ зазвенѣлъ на лѣстницѣ колокольчикъ, ко мнѣ входитъ коридорной и вопрошаетъ: что мнѣ надобно ?

— Пока ничего ; я не звонилъ.

Съ глупѣйшимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня человѣкъ, потомъ на дверь , подошелъ къ ней и задвинулъ жестяную заслонку пресловутаго отверстія, оставленнаго мною не закрытымъ.

Между тѣмъ наступила пора обѣдать, а путешественники—какъ всякому извѣстно, имѣютъ добрый аппетитъ, что въ особенности испыталь на себѣ ~~на морѣ~~. Я позвонилъ. Проходитъ минуту пять, гораздо болѣе; никто не является. Это меня удивляетъ. Я звоню опять и опять. Колокольчикъ издалъ свои дребежащія звуки въ коридорѣ и на лѣтницѣ, слуга отворяетъ смѣшныя съ моимъ номеромъ комнаты—и вотъ очередь доходить до моей.

— Вы звонили? спрашиваетъ меня слуга, на лицѣ котораго высказывалось неудовольствіе.

— Конечно—и скажу тебѣ, нѣсколько разъ.

— Это все ничего: вы должны были отрыть окошечко въ вашей двери, а безъ этого какъ же намъ знать, кто именно изъ васъ звонить?—и съ этими словами флегматическій Нѣмецъ прехладнокровно закрываетъ заслонку, чтобы придать болѣе выразительности словамъ своимъ. Тогда-то смекнулъ я, что означаетъ отверстіе съ заслонкой.

За тѣмъ сталъ я бродить по городу и при первомъ, даже мгновенномъ обзорѣнн его, мнѣ представилась таже священная старина въ зданіяхъ и во всемъ прочемъ, какъ и въ Ревелѣ, почти современномъ Ригѣ, основанной въ 1200-мъ году Каноникомъ вольнаго города Бремена, «Альбертомъ». Въ слѣдъ за тѣмъ, купцы Бре-

менские, потомъ рыцари Тевтонскаго ордена, начали распространять между язычниками тогдашняго времени ученіе Христа Спасителя, не столько однакожь увѣщаніями, сколько силою оружія—и послѣдніе назывались по этому «Рыцарями меча» или «Меченосцами». Такъ точно озарялись истиною вѣры Мехиканцы и другіе обитатели Новаго Свѣта посредствомъ Европейскихъ Миссіонеровъ. Въ XIII столѣтіи Рига стала принадлежать Союзу Ганзейскому, но вліянію же духовенства, признавалась надъ городомъ власть Католическихъ епископовъ; столѣтіе спустя, онъ подчинилъ себя ордену Меченосцевъ. Въ 1561 поступаетъ вся Ливонія въ подданство Польской короны, исключая однакожь Риги, оставившейся пока не зависимою до 1581 года: тогда она должна была уступить праву сильнаго. Въ послѣдствіи, именно въ 1621 г. этотъ городъ, а съ нимъ и страна, подпала владычеству Густава-Адольфа, короля Шведскаго; въ XVI вѣкѣ стала собственностію царя Іоанна III Васильевича, который, по видамъ своей политики, отказавшись отъ правъ завоевателя, сдѣлалъ Ливонію Польскою областію. Герцогъ Голштинскій Магнусъ находился до того времени ея властителемъ, представляя изъ себя вассала Россіи. Начало XVIII вѣка рѣшило судьбу Ливоніи и всего при-Балтійскаго края, исключая Финляндіи и Курляндіи,

завоеванныхъ въ позднѣйшее время, какъ вы не замѣчено.

Собственно городъ, обведенный валомъ и рвами, не очень великъ, но съ тремя своими форштатами—Митавскимъ, Петербургскимъ, Московскимъ, занимаетъ большую площадь и по числу жителей (до 70 тысячъ), обширнѣйшій изъ всѣхъ нашихъ губернскихъ городовъ. Съ наступленіемъ весны и открытія судоходства, число это быстро увеличивается. Широкая, величественная Двина, протекая близъ самаго города, придаетъ ему много жизни, когда, бывало, она съ гаванью покроеся множествомъ кораблей и разныхъ другихъ судовъ. Черезъ рѣку наведенъ хорошій, плувчій мостъ, соединяющій городъ съ Митавскимъ предмѣстіемъ, однимъ изъ обширнѣйшихъ; а отлично устроенное Петербургское предмѣстіе, служить для города большимъ украшеніемъ. Домовъ въ Ригѣтысячи четыре — три части деревянныхъ, но въ крѣпости, стѣпенной валомъ и рвомъ, вокругъ нея обведенными — всѣ каменные. Новаго пришельца изумятъ узкія, кривыя улицы съ незавидною мостовою, еще менѣе порядочными тротуарами, обставленными домами въ пять и шесть этажей, съ превсокими коническими крышами изъ красной черепицы. Не совсѣмъ пріятно жить въ первыхъ двухъ этажахъ, куда не проникають солнечные лучи и стора со-

вершено излишнія здѣсь вещи. Встрѣчаются, правда, довольно широкія улицы, однакожь онѣ не длинны и не прямолинейны : это общій характеръ древнихъ городовъ. Большихъ площадей нѣтъ въ городѣ, исключая той, гдѣ возвышается замскъ, построенный « Плеттенбергомъ » и занимаемый Генераль-Губернаторомъ, разными другими лицами, а также присутственными мѣстами. Другая площадь въ Петербургскомъ форштатѣ, подъ именемъ « Марсова поля », обсажена аллеями; противъ нея прекрасной « Верманской » паркъ съ заведеніемъ искусственныхъ минеральныхъ водъ и отличными кафе-ресторанами. Нѣкоторыя изъ улицъ называются довольно странно, на прим. Sünden-Strasse, «улица грѣшниковъ», чрезъ которую въ давно прошедшія времена, проводили на казнь преступниковъ, а « Кузнечная » улица столь узка, что кажется темною отъ высоты зданій, примкнутыхъ одно къ другому, какъ на Невскомъ и другихъ проспектахъ. Драпировки въ окнахъ вы не увидите, а это довольно неприятно, потому, что изъ противоположныхъ оконъ можно видѣть, что тамъ дѣлается.

Въ окрестностяхъ Риги находится другой садъ, подъ названіемъ Государева, довольно обширный, съ вѣковыми деревьями между кустарниковъ, удаленный отъ центра города версты на три. Каждый человекъ, въ которомъ есть рус-

ское сердце, долженъ, по прибытіи въ Ливонію, всенепремѣнно посѣтить этотъ садъ, чтобъ взглянуть на драгоцѣнность, священную для подданаго—это древняя, развѣсистая липа, посаженная державными руками Петра I. На мѣдной, овальной доскѣ, къ дереву прибитой, начертана слѣдующая надпись: «Императоръ Петръ Великій, основатель славы и благоденствія Россіи, «посадилъ собственными руками сіе дерево. 1721.» На другой доскѣ такого же очертанія: «При «благополучномъ же царствованіи Императора «Александра, возстановителя царствъ и спокойствія Европы, на память столѣтія, посвящена «сія надпись. 1821.» Тоже самое на Нѣмецкомъ—на двухъ противоположныхъ доскахъ. Доживетъ ли это дерево, не слишкомъ высокое, но объемистое и толстое въ нижней его части, до 1921 года?

Трехъ-этажное зданіе замка примыкаетъ къ набережной, гдѣ пристають пароходы, какъ я говорилъ уже, и можетъ назваться однимъ изъ обширнѣйшихъ въ городѣ, хотя архитектура его не бросится вамъ тотчасъ на глаза своимъ изяществомъ. На площади, противъ замка, воздвигнута гранитная колонна, въ память освобожденія Россіи отъ враговъ во время достославной отечественной войны, покрывшей неувѣдаемою сла-

вою Александра Благословеннаго и Его сподвижниковъ. На колоннѣ слѣдующая надпись: « Силы « двадцати царствъ и народовъ, съ мечемъ и огнемъ, ворвались въ Россію, поразивъ губителя, « расторгнувшаго узы природы. Александръ I « побѣдоносною десницею своею возвратилъ и ут- « вердилъ царямъ царства, народамъ свободу. » На противоположной сторонѣ колонны подобная же надпись на Нѣмецкомъ латинскими буквами. Поугламъ пьедестала четыре орла, а на верху колонны слава съ лавровымъ вѣнкомъ и масляною вѣтвію.

Къ числу другихъ зданій надо отнести Биржу, домъ « Черноголовыхъ братьевъ » (Schwarzhaupterhaus), Магистратъ — какъ памятники глубокой древности. Послѣдній современенъ основанію Риги: по этому существуетъ болѣе шести вѣковъ. Необыкновенная старина бросается вамъ въ глаза: и мебели, и картины и самое расположеніе комнатъ, вообще не высокихъ, не изысканныхъ, гдѣ одна лишь простота гармонируетъ съ прочностію; наконецъ эта крѣпость кирпича и самаго цемента, вылитыхъ какъ бы изъ металла. Обширные дубовые столы и скамьи, краснымъ сукномъ покрытыя, замѣняютъ ломберные столы, диваны и кресла пышныхъ салоновъ; все это прочно, массивно. Полы изъ толстыхъ плахъ, шириною въ аршинъ, окрѣпшихъ отъ времени

и взятыхъ изъ тогдашнихъ дѣвственныхъ лѣсовъ Ливоніи. Хрустальная люстры, большіе мѣдные подсвѣчники, разныя другія вещи, на которыхъ видишь отпечатокъ вѣка, тоже отличаются простотою, ибо роскошь не была господствующею страстію прежнихъ временъ. Домъ Черноголовыхъ братьевъ, такого точно устройства, какъ въ Ревелѣ. Оба эти зданія вѣковѣчныя, пережившія многія эпохи и историческую извѣстность. Подумаешь, какъ строились въ старину дома, церкви—и какой на это употреблялся матеріалъ! Взгляните на Храмы Божіи въ Овручѣ, Острогѣ—на Волинн, въ Витебскѣ и Кіевѣ, воздвигнутые въ XI и XII столѣтіяхъ, и вы удивитесь, что такъ долго могъ сохраниться матеріалъ, изъ котораго они построены? Извѣстно, что прежніе кирпичи, не сходные съ нынѣшними по своему очертанію, вырабатывались не въ примѣръ лучше; крѣпчайшій цементъ связывалъ стѣны зданія, покрытия одеждою изъ самой затѣливой мозаики, доселѣ сохранившей яркія краски свои, что я замѣтилъ при взглядѣ на развалины чертоговъ, гдѣ жили ханы золотой орды, въ Царевскомъ уѣздѣ, Астраханской Губерніи.

Въ форштатахъ, относительно ихъ устройства, совсѣмъ не то, что въ городѣ: тамъ улицы прямыя, широкія, длинныя, обставленныя красивы-

ми, даже великолѣпными зданіями, большею частью деревянными, по милому фасаду построенными, въ родѣ загородныхъ дачъ; вездѣ сады, цвѣтники, рощи, вездѣ просторъ необыкновенный. Въ чертѣ форштатовъ вы можете встрѣтить огороды, сѣнокосные луга и прелестныя поляны, наконецъ, тамъ же возвышаются вѣтряныя мельницы, устроенныя не такъ, какъ вы думаете, а на верху каменныхъ, трехъ-этажныхъ домовъ. Выдумка не дурная! Съ наступленіемъ весны всякой порядочный человѣкъ переселяется изъ города на житье въ форштаты, Гагенбергъ и другія дачи за Двиною, въ трехъ четырехъ верстахъ отъ форштата Митавскаго—подышать чистымъ воздухомъ. Тамъ царствуетъ вѣчная тѣнь и живительная прохлада отъ маслитыхъ деревьевъ, между которыми высокія огромныя, развѣсистыя сосны. Въ иномъ мѣстѣ не знаешь, гдѣ укрыться отъ нестерпимаго зноя, а Ливонцы объ этомъ не думаютъ. Смотри на этотъ сосновый боръ, воображеніе переносило меня къ предмѣстію Кіева, этой колыбели христіанства, когда подъѣзжаешь къ нему по Переяславской дорогѣ, отъ Броваровъ—и въ забайкальскую сторону, къ Туркинскимъ минеральнымъ водамъ. Дома въ Гагенбергѣ низменные и самыя усадьбы очень обширны. Въ торжественные дни бываетъ тамъ и на дачѣ Брандта, негоціанта Архангельскаго,

великодушныя иллюминаціи. Народу собирается множество; время проводить чудесно.

Всѣхъ церквей въ Ригѣ девятнадцать, (по одной на 3600 чел.), въ этомъ числѣ девять лютеранскихъ, двѣ католическихъ и восемь православныхъ — послѣднія въ форштатахъ, почти всѣ деревянные. Сооруженіе первыхъ относится къ различнымъ эпохамъ, болѣе или менѣе исторически-замѣчательнымъ, а церкви православныя построены въ позднѣйшее время, но прекрасному фасаду. Древніе храмы Св. Петра и Св. Якова (Peterskirche und Jobskirche) поражаютъ зрителя своими колоссальными размѣрами и высокими готическими скнами, имѣющими противъ обыкновенныхъ совершенное другое устройство, нигдѣ мною доселѣ не виданное: обыкновенныя оконныя рамы замѣняются сдѣланными на подобіе ихъ брусками изъ кирпича и дикаго камня, скрѣпленными извнутри желѣзными полосами, соответственной ширины и толщины, а поперечники гораздо уже. Стекла въ этихъ окнахъ тускляя, на видъ непріятныя, заплатившія дань времени. Соборная церковь (Domkirche), одна изъ древнѣйшихъ, построенная основателемъ Риги, Каноникомъ Альбертомъ въ 1207 году; тамъ погребенъ монахъ Мейнгардтъ, прибывшій въ Ливонію въ 1184 г. изъ запада и въ первые проповѣдавшій здѣсь христіанство. Еслибъ эти памят-

ники Богослуженія и лучшіе дома , находились на большихъ площадяхъ или на прямыхъ , широкихъ улицахъ , то представлялся бы чудный видъ.

Находясь въ Ревелѣ , я любовался его милыми , окрестностями и панорамою города , смотря на нихъ съ галлерей исполина Олая , какъ это видно изъ моихъ разсказовъ. Дѣйствительно , не можетъ быть лучшаго вида на окружающіе предметы , какъ съ высокаго пункта , потому , что взоры обнимаютъ всю дальность. Тоже самое хотѣлось мнѣ сдѣлать и въ Ригѣ. Сначала я всходилъ на Петровскую колокольню ⁽⁴¹⁾ , въ сопровожденіи молоденькой нѣмочки , дочери церковнаго служителя и долго наслаждался величественнымъ зрѣлищемъ. Потомъ , на канунъ оставленія Ливоніи , вздумалось мнѣ взобраться и на Соборную колокольню ⁽⁴²⁾ , чтобъ въ послѣдній

(41) До послѣдняго яруса , гдѣ висятъ колокола , 262 ступени , но они не такъ крупны , какъ въ Олаѣ и самыя лѣстницы не слишкомъ для ходьбы удобны.

(42) Въ лѣтахъ юности своей , любилъ я посѣщать во время святой недѣли колокольни Иркутскія , чтобъ съ этой обсерваторіи смотрѣть на панораму города съ его окрестностями , а подь-часъ позвонить въ большой колоколь. Признаюсь откровенно—это была моя страсть. Дурныя лѣстницы , особенно въ церкви Прокопія Праведнаго , по набережной , не могли остановить меня отъ непреклоннаго желанія.

разъ окинуть глазами городъ и его окрестности. Однакожь, при этомъ путешествіи случилось со мной сколько непредвидѣнное, столько забавное происшествіе, которое не могу забыть досель. Я объявляю сторожу Собора о своемъ намѣреніи, обещаю ему за труды и прошу проводить меня на колокольню или послать со мной кого нибудь другаго. Быль десятой часъ утра. Служитель отворяетъ дверь надъ хорами, запертую огромнымъ внутреннимъ замкомъ, ведущую на колокольню, преспокойно говоритъ мнѣ, что дарогу туда могу найти и безъ него. Возраженія мои, что безъ проводника идти не могу, не были уважены; сторожь отзывался недосугами, и я уже въ послѣдствіи догадался, что во сто разъ вѣрнѣе бы отдать ему впередъ обѣщанный полтинникъ, чѣмъ полагаться на слова его, ибо этотъ человѣкъ, вѣрно, подумалъ, что обѣщаніе не исполнится. Вотъ я отправляюсь на высоту, цѣль достигнута и по минованіи добраго часа, думаю воротиться. Пол-поприще сдѣлано, но вдругъ остановка: предо мною два хода, но въ который изъ нихъ идти, была задача не разрѣшимая. Я свернулъ на лѣво и очутился у огромной желѣз-

---

Замѣчу мимоходомъ, что въ теченіи Пасхи посѣщаютъ колокольни и женщины, разодѣтыя въ пухъ, что называется — средней руки.

ной двери, у самаго подножія Храма, запертой снаружи и выходившей на улицу, потому, что разговоры проходившаго по ней народа, явственно достигали моего слуха. Ошибку надлежало поправить, т. е. найти другой ходъ; я нахожу его, достигаю двери, въ которую впустилъ меня сторожь, но, къ неопisanному моему удивленію, нашель ее закертою на-крѣпко извнутри. Вотъ смѣшное, досадное положеніе! Оставалось койти на хоры, чтобы оттуда позвать служителя, однакожь въ церкви не было ни души. Черезъ какіе нибудь полчаса онъ входитъ туда, я зову его, приказываю отворить дверь, но этотъ чело-вѣкъ близко къ хорамъ не подходилъ, да и хоры эти возвышались отъ церковнаго помосту на пять или на шесть сажень, а по этой при-чинѣ ему не лъзя было меня слышать, какъ я ни возвышалъ свой голосъ. За тѣмъ служитель вы-шелъ изъ церкви. Между тѣмъ проходитъ часъ, проходитъ другой — и еще часъ проходитъ, а желудокъ напоминаетъ мнѣ съ наглостію, что пора завтракать. Въ промежуткѣ сего времени, хотя входили неоднократно въ Соборъ служите-ли съ прочимъ народомъ, но близко къ хорамъ, гдѣ обрѣтался я, тоже не подступали, потомъ одинъ за другимъ исчезли. Настала мертвая ти-шина, посреди которой отворяется дверь храма съ ужаснымъ скрипомъ; смотрю, вносятъ покойника.

Въ числѣ прочаго народа находился тутъ и виновникъ моего заключенія. Къ счастью, ему случилось проходить не далеко отъ хоръ , куда я попалъ такимъ чуднымъ образомъ. Отчаянный крикъ мой, заставилъ его остановиться: онъ отпираетъ дверь и извлекаетъ меня изъ этой особеннаго рода засады. Разумѣется , я побранилъ его порядкомъ , но отвѣтъ сторожа былъ самой простой , короткой : «я думалъ , что вы , Mein Herr, давнымъ давно возвратились ; вѣдь теперь уже не рано, а дверь на колокольню намъ вѣчно всегда запираеть».

Начиная съ Иванова дня , бываетъ кругомъ Собора небольшая ярмарка въ теченіи одной недѣли и помѣщается не въ завидныхъ балаганахъ. Незначительный доходъ съ этого торгу поступаетъ въ пользу церкви—какъ это дѣлается въ Харьковѣ и другихъ городахъ.

Хочу теперь описать народный праздникъ на канунъ Иванова дня въ 23-е іюня. Мостъ, чрезъ широкую Двину перекинутый и на плоскоутахъ устроенный , покрытъ народомъ и экипажами до того , что нѣкоторыя части этого моста заливаются водою отъ тяжести ; по обѣимъ сторонамъ его красуются корабли съ разноцвѣтными флагами —и купеческія суда ; въ разныхъ мѣстахъ ор-

кестрь полковой музыки — и гулянье, особенно предъ наступленіемъ вечера, въ самомъ разгарѣ. Разнощики и разнощницы продають въ это время вѣнки и корзины, искусными руками сплетенныя изъ цвѣтовъ и корней древесныхъ; вы дадите бездѣлицу и приобрѣтете хорошенькую вещицу. Окружные бастіоны, одѣтые дерномъ, тоже кипятъ народомъ всѣхъ званій, состояній, а привлекающій къ нимъ великолѣпный паркъ, вмѣщаетъ въ себѣ лучшую публику. Подъ бастіонами устроены жилья; дымъ изъ трубъ оттуда выходящій, неволью удивляетъ новаго пришельца. Однимъ словомъ — канунъ Иванова дня праздникъ, выражающій всю народность, подобно гуляньямъ въ окрестностяхъ Первопрестольной нашей Столицы. Къ вечеру всѣ корабли иллюминуются въ симметрическомъ порядкѣ, вы встрѣтите многихъ, очень многихъ изъ класса простоголюдиновъ, что называется — на-весель. Наблюдатель сей часъ скажетъ: Нѣмцамъ Остзейскихъ Губерній изъ этого класса, не лзя похвалиться воздержностію. Женской полъ долженъ однакожь составлять изключеніе; по крайней мѣрѣ, я не замѣчалъ этого. Да и какое, въ самой вещи, тамъ искушеніе на каждомъ шагу: входишь въ мелочную или овощную лавочку для покупки необходимыхъ вещей — а на полкахъ разставлены въ изумительномъ порядкѣ и водка и пиво. Спрашивается, кто не

потребуеть при сей вѣрной оказіи , если не бутылки того или другаго , вообще добротныхъ и дешевыхъ ⁽⁴⁵⁾, то хотя добрый стаканъ — и дасть бездѣлицу. Вы входите въ погребокъ и находите тамъ во всякое время превосходный бифштексъ: стоитъ только перешагнуть въ сосѣдственную комнату. Охотникъ до бильярда, тоже можетъ составить здѣсь съ кѣмъ нибудь партію.

Торговля въ Ливоніи началась съ XII столѣтія, слѣд. до эпохи основанія Риги. Однажды пришло случайно къ устью Двины Бременскій корабль : съ той поры стала возникать собственная торговля въ Россіи въ лицѣ Новгорода съ Евроною, которой представители въ торговомъ отношеніи, были тогда Ганзеатическіе города. Въ то время еще не наступила эпоха развитія самобытности нашего отечества. Въ XV столѣтіи, Новгородъ Великій, двигавшій всею нашею заграничною торговлею, палъ предъ желѣзною волею Іоанна III, а вмѣстѣ съ вольнымъ городомъ, упала и торговля наша. Въ слѣдую-

---

(43) Въ Остзейскихъ Губерніяхъ откупа нѣтъ, какъ между тѣмъ онъ обявлъ теперь Молороссію, Западныя и другія Губерніи. Ведро лучшаго хлѣбнаго вина продается въ Ригѣ и другихъ мѣстахъ по 1 руб. 20 коп., а пиво половина этой цѣны.

щемъ за тѣмъ столѣтіи пріѣзжали въ Москву Венеціанскіе купцы, съ предложеніемъ отъ имени своей республики о возстановленіи между Россією Древняго торговаго пути посредствомъ Днѣпра, однакожь безъ благопріятныхъ для себя послѣдствій. Торговля была въ прежнемъ застоѣ, и въку XVIII, генію Петра и Его Державныхъ преемниковъ, предоставлено было оживить ее. Мудрый Преобразователь Россіи, первый постигъ, какія огромныя, матеріальныя выгоды можетъ доставить Имперіи Бальтійское море — и для этой цѣли оставалось перевести на него торговлю Бѣломорскую. Полтавская битва, въ тожрествѣ которой заключалось торжество всѣхъ трудовъ, всѣхъ подвиговъ, словомъ — всей реформы Петра Великаго, рѣшила мысль Его окончательно — и теперь проводники иностранной и отечественной промышленности — шестьдесятъ портовъ, въ числѣ которыхъ стоятъ на первомъ планѣ Петербургъ, Рига, Перновъ, Либава и Ревель, обнимають берега Бальтики. И это все плоды Полтавской битвы, не простаго сраженія, замѣчательнаго по огромности военныхъ силъ, по упорству сражающихся и по количеству пролитой крови; нѣтъ, это была битва за существованіе цѣлаго народа, за будущность цѣлаго Государства. — Быстрое развитіе торговли Бальтійскаго моря и осуществленіе великой мысли геніальнаго Государя, до-

казывается слѣдующими цыфрами: за пятьдесятъ до сего лѣтъ, привезено было товаровъ въ главные порты на 32 мил., въ 1825 на 39 м., въ 1847, на 48 м. руб. сер.; вывезено въ первый годъ на 15 м. во второй на 39, въ 1847 на 53 м. руб. сер. Ежегодный доходъ, получаемый Рижскимъ Портомъ и городомъ, восходитъ до 350 т. р. сер., а торговые обороты простираются на 20 мил. р. сер. Съ наступленіемъ же весны приходитъ изъ разныхъ заграничныхъ портовъ и низовыхъ нашихъ пристаней множество кораблей и огромныхъ барокъ, подъ именемъ струговъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, для отправленія его за границу. Въ мою бытность въ Ригѣ, большая часть первыхъ отбыла туда, но все ~~остаюсь~~ довольно. Почетныхъ Гражданъ считается въ Ригѣ 34, купцовъ 1-й гильдіи 64, 2-й гильдіи 151; Богоугодныхъ заведеній, начало которыхъ въ Россіи, относятъ ко временамъ Владиміра святаго, только шесть, какъ между тѣмъ въ Ревелѣ ихъ десять, при меньшемъ въ три раза населеніи. Въ окрестностяхъ Риги много суконныхъ фабрикъ, извѣстныхъ по своему механизму, обширности, а находящаяся близъ Пернова, на мызѣ «Цигтенгофъ», пользуется Европейскою извѣстностію; за нею слѣдуетъ фабрика Вѣрманна, имѣющаго у себя болѣе трехъ тысячъ работниковъ. Сукна этой фабрики славятся своею

крѣпостию, отдѣлкою и по не дорогимъ цѣнамъ, доступны всякому.

Но не смотря на эту промышленность, на это всеобщее оживленіе, жизнь въ Ригѣ, какъ и въ прочихъ мѣстахъ прибалтійскаго края, очень не дешева. Гельзигфорсъ (съ Выборгомъ и нѣкоторыми другими городами), можетъ служить исключеніемъ, и я, право, не слыхалъ о другомъ городѣ изъ числа замѣчательныхъ, гдѣ бы можно было жить съ такимъ комфортомъ, и такъ дешево и весело. Правда, нѣсколько затруднитъ васъ съ перваго разу не знаніе Шведскаго языка, потому, что Фиппы-простолюдины плохо объясняются по-Русски и по-Нѣмецки, но это все еще не бѣда. Одно только дешево въ Остзейскихъ губерніяхъ и доступно каждому человѣку — это пиво, хлѣбное вино и анисовка (doppel-kümmel). Между тѣмъ не лишнее сказать украдкою, что потомки Тевтоновъ этихъ губерній, при всей ихъ честности и женѣрозности, уже чрезъ чуръ расчетливы — и это отражается въ чертахъ рѣзкихъ. Другими словами: истиннаго, радушнаго гостепріимства, или такъ называемаго хлѣбосольтва, тамъ нѣтъ. Оно высказывается только въ Сибири, странѣ не тронутой — и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Не думайте, чтобы васъ пригласили, послѣ перваго знакомства, на обѣдъ или на чай — я говорю о Русской Германіи — и аккуратный

Нѣмецъ не предложитъ даже вамъ сигары, а самъ будетъ преспокойно курить ее. Это изъ рукъ вснѣ! Не правда ли? Да что тутъ много разглагольствовать — стоитъ только вспомнить анекдотъ о «Раммѣ» (мною рассказанный), не хотѣвшаго принять къ себѣ Великаго человѣка, имя котораго надо произносить съ благоговѣніемъ. Правда, это случилось давно и что не одна разчетливость была тому причиною, но освященная стариною права, на которыя каждый изъ Нѣмецкихъ дворянъ опирался, но всё таки Раммъ не хорошо сдѣланъ. Случись это въ Саратовскихъ колоніяхъ, у тѣхъ же Нѣмцовъ, они не придумали бы средствъ къ достойному принятію Державнаго Посѣтителя. Этому сей-часъ красно-рѣчивое доказательство: въ 1837 г. проѣзжаетъ чрезъ Саратовскую губернію Государь Наслѣдникъ и изволитъ останавливаться въ колоніи «Унтеръ-вальденъ», по дорогѣ къ Вольску, у колониста «Мейнгардта», имѣвшаго хорошенькій домикъ съ садомъ. Хозяинъ, полный благоговѣнія и восторга о такомъ счастливомъ въ его жизни событіи, дѣлаетъ на балконѣ своего дома надпись золотыми буквами, съ приличными украшеніями, что Его Высочество удостоилъ счастья у него ~~тогда-то~~ останавливаться. — Когда-то славилась этою добродѣтею и благословенная Малороссія, т. е. во времена давно минувшихъ

дней, но въ теперешній просвѣщенный вѣкъ, она измѣнилась въ своей патріархальности, какъ и все измѣняется на землѣ. Васъ примутъ отлично хорошо въ извѣстномъ домѣ, закормятъ, пожалуй, самымъ гастрономическимъ обѣдомъ, но только въ такомъ случаѣ, если видятъ въ томъ свой расчетъ; при малѣйшемъ же разочарованіи, если кто изъ новыхъ знакомыхъ, съ благороднымъ образомъ мыслей, съ душою чистою, окажется не тѣмъ, чѣмъ казался сначала, сирѣчь — онъ не богатъ и на бѣду еще, въ разладѣ со свѣтскими приличіями, то переменна въ обращеніи слишкомъ замѣтна при вторичномъ этого чело-вѣка посѣщеніи, а третьяго ужъ лучше и не дѣлайте. Такъ Малороссіяне себѣ на умѣ? — Конечно : чему же тутъ удивляться. А какъ этомъ народъ въ отношеніи дружества? Въ такой же степени. Истинной дружбы, неизмѣнной, бескорыстной и святой, ищите въ другомъ мѣстѣ. Въ наши дни чело-вѣкъ, не нажившій себѣ ничего и не разбогатѣвшій, имѣвши къ тому случай, есть чело-вѣкъ не современный, отставшій отъ вѣка, а слѣдственно, бесполезный для общества — въ глазахъ нѣкоторыхъ. И въ прежнія добродушныя времена, даже классическіе гении оканчивали свое великое поприще либо въ богадѣльнѣ, либо въ домѣ ума лишенныхъ; короче — ученость умира-ла голодною смертію, а добродѣтель, самая

возвышенная, испытывала ту же участь. Вспомните пѣвцовъ Италіи и Португаліи. — Собирайте богатство — и васъ будутъ окружать почтеніемъ, любовью, удивленіемъ; о черныхъ же поступкахъ вашихъ никто и не замкнетъ; вы умрете — и слезами оросятъ ваше бездыханное тѣло, надъ могилою поставятъ великолѣпный памятникъ. Но человѣкъ бѣдный, хотя и съ благородствомъ до героизма, или правильнѣе — до педантизма, притомъ очень не глупой, во все продолженіе жалкаго своего существованія, становится предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія. Погрѣши онъ разъ, одинъ только разъ — и его будутъ преслѣдовать съ неумолимою жестокостію. Коснувшись Малороссіи, надо высказать непріятную истину, что порча нравовъ, особенно между низшимъ слоемъ общества, наиболѣе отражается въ пунктахъ ярмарочныхъ, куда стекается отовсюду многое множество народа всѣхъ состояній и исповѣданій, и эти люди, заноса съ собой соръ и нечистоту, какъ бы прививаютъ ее къ кореннымъ обитателямъ — низшему сословію, безъ того не совсѣмъ чистымъ, говоря объ ихъ жадѣ корысти, безъ разбора средствъ и не упоминая о обычной лѣни и неподвижности. Бѣда, если кто по простотѣ и неосторожности, войдетъ съ ними въ какія ни на есть сношенія. Это было и со мною грѣшнымъ. Хотите, я расскажу вамъ.

По прибытіи въ одинъ городокъ, остановился я въ его предмѣстіи, до пріисканія удобнѣйшаго помѣщенія въ первомъ, съ окончаніемъ ярмарки. Мы условливаемся съ хозяиномъ въ цѣнѣ; по минованіи шести сутокъ, я требую отъ него счетъ. Хохоль объявляетъ мнѣ съ наглостію, что ему слѣдуетъ получить за «недѣлю», — «Не правда, любезный, я нанялъ твою квартиру въ понедѣльникъ, а сего дня только Воскресенье, слѣдовательно не семь, а шесть сутокъ.» — «Что вы говорите, Ваше Благородіе,» недѣля сегодня (44) — «Помилуй, братецъ, ты городишь вздоръ!» — «Нѣтъ, панъ, я говорю правду и думаю, что вы не станете обижать меня.» Не хотѣлось мнѣ спорить о бездѣлицѣ и возиться съ Малороссомъ, который воспользовался отъ меня лишнимъ цѣлковымъ по милости каламбура и хитрости, смѣшанной съ плутовствомъ, самымъ тонкимъ.

Не угодно ли выслушать и другой анекдотъ, изъ котораго можно видѣть, что и въ нынѣшнее время встрѣчаются въ Малороссіи порядочные оригиналы въ чиновническомъ, провинціальномъ быту. Для помѣщенія Уѣзднаго Суда нанимается домъ въ незначительномъ городкѣ въ N Губерніи, съ отопленіемъ, у одного изъ смиренныхъ его

---

(44) Тутъ выходитъ чудесный каламбуръ: «недѣля» на Малороссійскомъ языкѣ — значитъ «воскресенье».

гражданъ , съ такимъ условіемъ , чтобъ комната была оставлена для него самаго. Проходитъ полгода; все идетъ, какъ не лъзя лучше: канцелярскіе, а подѣ-часъ и сами Члены судилища, пользуясь толь близкимъ сосѣдствомъ домоваго хозяина, посѣщаютъ его въ присутственные часы, тотъ радушно угощаетъ ихъ, но замѣтивъ, что такое посѣщеніе, чаще и чаще повторяемое, слишкомъ начеисто для его кармана, безъ всякихъ околичностей отказываетъ посѣтителемъ. Это, разумѣется, ихъ огорчило и они поклялись чѣмъ нибудь насолить хозяину — невѣждѣ. Какъ! отказывать въ хлѣбъ-соли людямъ , въ которыхъ всякой можетъ нуждаться? И гдѣ же это дѣлается! въ странѣ дешевой, гдѣ ни по чемъ и горѣлка и принадлежности въ закуску! (Событіе случилось лѣтъ за десять). Да это изъ рукъ вонъ! Однакоже надо было имѣть и причину завести дѣло. Посреди этихъ думъ, они разсудили, что хозяинъ въ послѣднее время задѣлалъ отдушину въ печи, выходящей изъ его комнаты лицомъ въ занимаемую Присутствіемъ, безъ вѣдома «онаго», статья можетъ, для того, чтобъ всю теплоту перевести къ себѣ; другими словами: въ присутственной комнатѣ сдѣлалось довольно свѣжо (а на бѣду, — и обогрѣться не гдѣ); еще короче и яснѣе: хозяинъ какъ бы «похищалъ теплоту» и Члены Суда съ канцелярскими не разъ воспоми-

нали о превосходномъ травникѣ и соблазнительномъ гусѣ. Всё это прекрасно, да подь какимъ же названіемъ появится дѣло на свѣтъ Божій? Наконецъ, они рѣшаются, послѣ продолжительнаго раздумья, дать ему самое замысловатое: «о похищеніи такимъ-то казенной теплоты, во время квартированія такого-то Суда въ принадлежащемъ ему домѣ». (Слѣд. можно похищать и партикулярную теплоту?!) Вотъ заводится переписка, дѣло начинается полнѣть, и по подведеніи къ «оному» нужныхъ справокъ и законовъ, представляется отъ Суда въ высшую инстанцію; но Уголовная Палата видя, что судъ занимается нустяками, обращаетъ къ нему дѣло при своемъ замѣчаніи—тѣмъ оно и оканчивается (45).

Однакожъ Малороссія произвела многихъ Государственныхъ мужей, особенно въ вѣкъ Екатерины, пріобрѣтшихъ Европейскую извѣстность и по уму и по душевной добротѣ и по другимъ заслугамъ? Конечно такъ: это всѣмъ извѣстно, но зима не безъ морозу! И теперь много тамъ

---

(46) Дѣломъ своимъ о похищеніи теплоты, Уѣздный Судъ какъ бы хотѣлъ воскресить событія, совершавшіяся у насъ на Руси до реформы Петра Великаго, когда давалось движеніе и такимъ жалобамъ, если одинъ «смотрѣлъ на другаго звѣрообразно»—и тѣмъ будто бы наносилъ послѣдному безчестіе.

людей, истинно-образованныхъ и добрыхъ, съ характеромъ твердымъ, рѣшительнымъ и сильною волею. Я имѣлъ случай познакомиться съ чело-вѣкомъ, соединявшимъ въ себѣ всѣ эти качества. Это одинъ изъ обломковъ Екатерининскаго вѣка. Наружность его замѣчательна; во всѣхъ дѣйстви-яхъ проявляется что-то древнее Спартанское; правды и благородства бездна, душа Римская; всегда твердый и непоколебимый, какъ гранитная скала, онъ не знаетъ лицепріятія и высказываетъ истину, кому бы ни было, въ выраженіяхъ смѣ-лыхъ и рѣзкихъ. Сколь эти качества безцѣнны для представителя дворянства! Н выполнялъ эту обязанность пять трехлѣтій сряду, по не отступ-ной просьбѣ дворянъ, видѣвшихъ, что подобный чело-вѣкъ почти не замѣнимъ; въ послѣдствіи же они снисходятъ на просьбу своего собрата, не ставившаго до этого ни во что ни маститыя лѣта свои, ни ограниченное состояніе—и убѣждаются, что современнику Елисаветы нужно спокойствіе послѣ того пожертвованія, которое сдѣлалъ об-ществу. Поступокъ другаго, жителя Украйны, тоже прекрасенъ. Одинъ чело-вѣкъ былъ много лѣтъ гонимъ судьбою, испыталъ непріятности и всѣ возможные лишенія, хотя былъ увѣренъ по правдѣ своей, что прежнія заслуги его не будутъ опро-кинуты, и переносилъ положеніе свое съ дивнымъ терпѣніемъ. По обстоятельствамъ, ему слѣдовало

жить въ Петербургѣ, но гдѣ средства для этого? Надо было откладывать путешествіе и между тѣмъ питаться святою надеждою, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба—никогда не пропадаютъ. Житель Украйны хорошо познакомился съ человѣкомъ, о которомъ идетъ рѣчь, изучилъ и понялъ его, какъ не лъзя лучше, но владѣя самъ слабыми средствами, не могъ, естественно, ни въ чемъ пособить ему. Напослѣдокъ удалось ему добыть порядочную сумму и вручая ее описываемому мною лицу, безъ документа, на одно честное слово, съ платежемъ въ теченіи года, совѣтовалъ ѣхать безъ замедленія въ столицу. Совѣтъ принять: въ Петербургѣ находить *N* «истиннаго благодѣтеля» (они рѣдки, какъ кометы), принявшаго живое, энергическое участіе въ положеніи гонимаго неудачами — и дѣлается для него какъ бы вторымъ Провидѣніемъ. Въ самой вещи, поступки обоихъ лицъ достойны удивленія: одинъ даетъ средства человѣку на пробѣздъ за полторы тысячи верстъ, не будучи самъ состоятеленъ, другой благородно вызывается устроить судьбу своего знакомаго, и доставивъ ему вѣрное, надежнѣйшее обезпеченіе на всю жизнь — выполняетъ тѣмъ долгъ человѣка.

Нижеслѣдующій рассказъ, мнѣ переданный, долженъ быть равно интересенъ, по его оригинальности. Одинъ человѣкъ изъ военныхъ, одинокой,

трусами своими и многолѣтнею бережливостію, скапливаетъ себѣ довольно значительный капиталъ и надобно замѣтить, что деньги хранились не въ ломбардѣ или въ шкатулкѣ, но въ числѣ казенныхъ и такъ показывались по вѣдомостямъ. Во время Финляндской войны, полкъ Э. встрѣчаетъ большое затрудненіе въ продовольствіи отъ непомерной дороговизны хлѣба, фунтъ котораго продавался по цѣлковому — и полковникъ отдаетъ тотчасъ приказаніе покупать изъ его собственной казны по полтора фунта въ день на человѣка — ихъ было полторы тысячи — и готовить общій походный обѣдъ для всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Скоро израсходовались всѣ десять тысячъ сер., а между тѣмъ недостатокъ сталъ замѣняться голодомъ: тогда Э. продаетъ все свое серебро, всѣхъ излишнихъ лошадей, всѣ завѣтныя свои вещи (нажитыя въ теченіи сорокалѣтней службы), съ которыми надо было расстаться развѣ съ жизнію — и покупаетъ на эти деньги хлѣбъ своимъ братьямъ! Вотъ еще замѣчательная черта полковника: всякой Божій день, послѣ обыкновенной утренней молитвы, онъ отвѣшивалъ земной поклонъ изображенію Генерала, бывшаго его начальника и благодѣтеля — по словамъ рассказчика, отъ избытка своей чувствительности. Последній же, какъ бы въ подражаніе Э., врѣзываетъ въ подножіе образа Спасителя единое дра-

гоцѣнное наслѣдіе — гербовую печать полковника, за неимѣніемъ его портрета, чтобы при ежедневной молитвѣ, воспоминать о его благодѣяніяхъ.

Въ заключеніе, когда уже пошло на рассказы, можетъ быть, и не кстати — по роду настоящаго сочиненія, не мѣшаетъ повѣдать о образцахъ добродѣтели самой высокой, дружбы и вѣрности изумительныхъ. Я думаю, что многіе припомнятъ англичанина, обратившаго въ концѣ прошедшаго столѣтія, вниманіе правительствъ и народовъ, на участь заключенныхъ въ темницахъ — и имя котораго блистаетъ до нынѣ яркими, не мерцающими лучами. Судьба надѣлила этого человѣка огромнымъ состояніемъ по смерти отца, богатѣйшаго негоціанта. Ему стоило только наслаждаться всеми благами міра, но онъ избралъ себѣ другую стезю, стезю, предписанную уставомъ самого Спасителя въ святомъ Его Евангеліи — онъ хотѣлъ раздѣлить это состояніе между своими братьями о Христѣ, которымъ судьба отказала не только въ избыткѣ, но и въ кускѣ хлѣба. Предназначивъ себя такимъ образомъ на служеніе Богу и вовсе не думая о коммерческихъ занятіяхъ, этотъ общій другъ сталъ нарочито изучать Медицину въ полномъ ея развитіи, чтобъ быть вдвойнѣ полезнымъ человѣчеству; онъ посѣтилъ жилища мрака, гдѣ тысячи подобныхъ ему Божіихъ созданій, лишенныхъ золотой свободы, изнываютъ въ стра-

даніяхъ; онъ объѣхалъ съ этою благородною цѣлю Европейскія Государства, былъ въ Лиссабонѣ вскорѣ послѣ страшнаго землетрясенія и оказалъ значительную, матеріальную помощь пострадавшимъ отъ несчастія; взглянулъ на Востокъ, былъ въ Константинополѣ, Египтѣ во время самаго разгара чумы, этого ужаснаго бича, похищавшаго свои жертвы тысячами, чтобы открыть зародышъ моровой язвы въ самомъ источникѣ и изыскать способы къ отвращенію губительнаго зла для спасенія человѣковъ. По его предположенію открыты повсюду тюремные Комитеты и сняты оковы съ женщинъ—въ Англіи. Озаривъ на этомъ основаніи темницы свѣтомъ челолюбиваго состраданія, Г. не только уменьшилъ несчастіе своихъ современниковъ, но и въ будущемъ указалъ путь къ усовершенствованію многихъ вѣтвей уголовного законодательства, ибо, содѣйствуя своему правительству мнѣніемъ и дѣлами, скоро обезсмертилъ себя въ отечествѣ. Въ 1789 посѣщаетъ Г. нашу первопрестольную столицу. Екатерина II, наслышавшись о подвигахъ добра, повелѣла во всѣхъ больницахъ и тюрьмахъ Россіи, исполнять совѣты великаго челолюбца, какъ приказанія. Повелѣніе, достойное безсмертной Монархини! Изъ Москвы онъ отправляется въ Херсонъ, гдѣ свирѣпствовала чума — и среди заботъ и готовности, среди самоотверженія, почти ба-

снословнаго, палъ жертвою ужасной заразы въ 1790 году, вдали отъ Альбіона, въ странѣ чуждой. «Истлѣніе есть жребій человѣка» — говорилъ умирающій — «есть законъ, которому и Царь и «рабъ, равно повинуются». Онъ завѣщаль похоронить его тамъ, гдѣ любилъ прогуливаться. «Я «не желаю—продолжалъ добродѣтельный, ни па- «мятниковъ, ни надписей, но хотѣлъ бы, чтобъ «на моей могилѣ поставлены были солнечные часы». Какая истинная, глубокая философія въ предсмертныхъ словахъ его!

Долго, очень долго, подвизался сострадательный Англичанинъ на поприщѣ добродѣтели: онъ истратилъ все свое состояніе, распродалъ всѣ свои драгоценности, все, дорогое и милое сердцу — и тѣмъ исполнилъ въ буквальномъ смыслѣ слова Божественнаго Искупителя. Больше этого, не могутъ, кажется, сдѣлать и сами праведники! Въ самомъ дѣлѣ, какая цѣнь тяжкихъ, но священныхъ и великихъ трудовъ, въ теченіи полувѣка совершенныхъ! Каждый подвигъ, каждый день жизни Г., есть уже предметъ признательности и удивленія! Онъ хотѣлъ разлить свои благодѣянія не на одну Англію, но на Европу, на весь міръ — и испросилъ себѣ, какъ милость — заключить его на мѣсяць въ темницу, чтобы самому испытать на дѣлѣ всю густоту нравственнаго и физическаго мрака, въ которомъ живутъ преступники.

— Тихіе, но утѣшительные для сердца звуки твоей славы, не умолкнутъ, пока будетъ существовать міръ, да и назвать тебя, значить называть самую добродѣтель! Ты долженъ стоять выше Аннибаловъ, Александровъ Македонскихъ и другихъ лицъ героическаго міра, которыхъ Исторія почтила безсмертіемъ: первые проливали кровь братьевъ своихъ, утучняя ею и поля и стогны; послѣдній спасалъ этихъ самыхъ братьевъ и былъ ихъ ангеломъ-утѣшителемъ!

Для увѣковѣченія всѣхъ этихъ христіанскихъ подвиговъ, воздвигнуть Г. признательными его соотечественниками великолѣпный памятникъ въ церкви Св. Павла, тамъ, гдѣ покоятся знаменитые мужи Англій; надъ могилою его близъ Херсона, тоже сооруженъ памятникъ, отличающійся скромностію, согласно завѣщанію покойнаго, а въ самомъ городѣ, противъ тюремнаго замка, обелискъ. При посѣщеніи Херсона Александромъ Благословеннымъ въ 1818 году, повелѣно передѣлать, увеличить и украсить этотъ обелискъ, для чего выдито въ нашей Академіи Художествъ изображеніе Г.; на другой же сторонѣ обелиска изсѣчены въ вертикальномъ положеніи солнечные часы, заказанные въ Италіи. Послѣдній памятникъ, не смотря на простоту свою, краснорѣчивѣе перваго, поражающаго великолѣпіемъ; въ Англій принесена дань уваженія великому согра-

жданину, въ Россіи почтена память общаго друга — и «Говардъ» не принадлежитъ ни тому, ни другому государству, но роду человѣческому!

А вотъ образецъ дружества, переданный намъ достопочтенною древностію о двухъ Скифахъ, принадлежавшихъ къ владѣтельному роду и обитавшихъ у Понта Евксинскаго. Предки ихъ ведутъ междуусобную войну въ теченіи многихъ лѣтъ и судьба ея рѣшается то на ту, то на другую сторону; напоследокъ присуждается лавръ побѣды сторонѣ счастливѣйшей и въ ратномъ дѣлѣ искусѣйшей. Въ числѣ трофеевъ приводятъ къ Царю-побѣдителю единственнаго сына побѣжденнаго, молодаго, прекраснаго юношу, покрытаго славными ранами, для преданія—по обычаю тогдашняго времени, лютой смерти; но побѣдитель, имѣвшій также сына одинакаго съ плѣнникомъ возраста, увлеченный порывомъ великодушія, являетъ его въ отношеніи несчастнаго — и не только не предаетъ его казни, но осыпавъ ласками, приказываетъ возвратитъ въ отечество. Эта черта великодушія затрогиваетъ чувствительность молодаго человѣка, полнаго энергіи: онъ не хочетъ воспользоваться дарованною ему свободою, объявляетъ непреклонное желаніе и ищетъ единственной милости—остаться на всю жизнь свою рабомъ у великодушнаго побѣдителя, чтобы достойно заслужить всѣ эти милости. Къ этому прибавляетъ

плѣнникъ, что сколь ни мила для него родина, какъ ни драгоцененъ родительскій кровъ и гробы праотцевъ святыя, но всѣмъ этимъ жертвуетъ охотно. Твердый характеръ, присутствіе духа и благородный образъ мыслей юнаго Скиѳа, еще болѣе привязываютъ къ себѣ владѣтеля: ему предлагается гостепріимство въ царскихъ палатахъ и молодой человекъ, сынъ побѣдителя, обращаетъ на плѣнника все свое вниманіе. Характеры ихъ удивительно сходны между собою и вотъ утверждается между ними дружба, дружба святая и не измѣнная—до самаго гроба. Послѣ этого они даютъ на холму, подѣ священною тѣнію древняго дуба, торжественную клятву—принести этой дружбѣ всѣ возможныя жертвы. Проходитъ полгода; узы дружества становятся крѣпче и крѣпче: никакая земная сила, казалось, не въ состояніи была разорвать ихъ. Между тѣмъ молодой хозяинъ избираетъ себѣ юную дѣву дивной красоты, съ пламенными очами, со всею роскошью Востока, дочь классической Эллады — и налагаетъ на себя узы Гименея. Оба друга раздѣляютъ радость брачнаго торжества и живутъ подѣ однимъ кровомъ. Еще мелькнуло два-три мѣсяца: въ этотъ короткій промежутокъ времени, пылкій юноша, бывшій плѣнникъ, теряетъ спокойствіе, разсудокъ: онъ влюбленъ по-уши въ пламенную Гречанку—и чтобы погасить эту лю-

бовъ, въ глазахъ его преступную, хочетъ удалиться отъ опасной красавицы, но просьбы молодыхъ друзей, самыя убѣдительныя, его удерживаютъ. Въ послѣдствіи же, какъ онъ ни крѣпился, какъ ни боролся со священными чувствами долга и благородства, а страсть могучая, не одолимая — взяла верхъ надъ ними: онъ открывается Гречанкѣ въ любви своей, для которой готовъ принести въ жертву собственную жизнь свою. Онъ не зналъ еще могущества этой страсти и не думалъ, чтобъ послѣдняя могла преобладать надъ дружбою. Въ этотъ моментъ падаетъ со стѣны оружіе, которымъ заклиналъ своего друга на холму, съ такою торжественностію — не нарушать уставовъ добродѣтели: это служило какъ бы упрекомъ собственной совѣсти. Скинь, пораженный, словно электрическою силою при паденіи оружія, мгновенно перемѣняетъ свое положеніе и проситъ спутницу жизни своего друга объ одномъ великодушій — простить заблужденіе его, доходившее до съумасшествія. Въ слѣдъ за тѣмъ входитъ мужъ и удивляется сценѣ. Виновный открываетъ своему другу все и что послѣ этого поступка своего, поступка не благороднаго, онъ долженъ умереть. Увѣщанія друзей бесполезны: онъ пребылъ непоколебимъ — и тѣмъ самымъ кинжаломъ, которымъ клялся не нарушать чести, умертвилъ себя. Истинно-рыцарскій посту-

покъ несчастнаго, повергаетъ въ неописанную грусть властителя, въ этой горестной утратѣ; онъ предается отчаянію и скоро оканчиваетъ дни свои; а молодая чета, оставшись сиротою на чужой сторонѣ, вдали отъ родины, слѣдуетъ также за нимъ въ могилу.

Это случилось давно, очень давно, до введенія христіанства.

Виню себя предъ читателями за отступленіе, но впередъ этого не сдѣлаю.

—

Пора была возвратиться домой — и я разстался съ Ригою и Русскою Германіею, досадуя на обстоятельства, не дозволившія мнѣ пробыть тамъ долѣе и что лишенъ былъ возможности передать о краѣ большіяхъ подробностей. Эта же причина мѣшала мнѣ исполнить прежнее предположеніе, совершить обратній путь твердою землею чрезъ Дерптъ, Нарву и Ораніенбаумъ. Что дѣлать! Человѣкъ, связанный службою и ограниченный въ средствахъ, не можетъ быть господиномъ своего времени. Плаваніе наше сопровождалось медленно, и мы достигли Петрополя въ четвертыя сутки, какъ и въ передній путь. На другой день по оставленіи Ливоніи, сдѣлалось довольно свѣжо, особенно во время ночи — и когда же? въ срединѣ лѣта! Запасаться въ такую пору зимнею

Одеждою на какія нибудь три недѣли, пожалуй— на мѣсяць, разумѣется, смѣшно, а на повѣрку выходить, что это было бы вовсе не излишне. Въ передній путь я подтрунивалъ отъ души надъ однимъ пассажиромъ, который взялъ съ собою изъ Петербурга енотовую шубу, а мнѣ оставалось прогуливаться въ легонькомъ пальто, подбитомъ воздухомъ. Скажу не шуточно, холодъ былъ «изрядный», особенно на разсвѣтъ—и время уподоблялось позднему осеннему. Не диво, рассуждалъ я самъ съ собою, встрѣтить также атмосферу на Байкалѣ въ Юлѣ мѣсяцѣ, въ сосѣдствѣ Дауріи, а на морѣ Балтійскомъ, чуть-чуть не на другомъ полушаріи, такія вещи казались просто не возможными. Хорошо еще, что возвратился я въ Петербургъ безъ простуды.

К О Н Е Ц Ъ .

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:

Должно читать:

стр.

28 стр.	11	снизу	построенные	построеннаго
30	—	5	сверху	монахини клиро- шанки
86	—	6	—	номенплатуру
98	—	4	—	на себя на морь
105	—	2	снизу	бываеть
106	—	12	сверху	Iacobskirche
114	—	13	снизу	осталось
116	—	3	—	у него тогда-то
128	—	4	сверху	самую

